Годъ VI. 20 января 1929 года. № 3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу:** на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—100 зл., 1/2 стр. 55 зл., 1/4 стр.-30 зл., 1/8 стр.-20 зл., 1/16 стр.-15 зл. Многократныя объявленія помѣщаются со скидкой по соглашенію съ Редакціей. РУКОПИСИ безъ обозначенія гонорара считаются безплатными. Непринятыя рукописи возвращаются по желанію авторовъ за ихъ счетъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Разныя извѣстія.

ИНТРОНИЗАЦІЯ НОВАГО ПРИМАСА ВЪ АНГЛІИ.

4 декабря 1928 г. въ древнемъ Кентерберійскомъ каѳедральномъ соборѣ происходило рѣдкое торжество—интронизація новаго Архіепископа Кентерберійскаго, Примаса Англіи, д-ра Космы Гордона Ланга, бывшаго до сихъ поръ Архіепископомъ Іоркскимъ. Въ 8 час. утра была отслужена литургія, а самое торжество интронизаціи началось въ 11 час. 30 мин. утра. На торжествѣ присутствовали представители всей Англиканской Церкви какъ изъ Имперіи, такъ и изъ колоній; а также представители Церквей—Православной, Католической, Армянской и Протестантскихъ. Представителями Православной Церкви были: Митрополитъ Ѳіатирскій Германъ (отъ Вселенской Константинопольской Патріархіи) и Архимандритъ Николай (отъ Русской Заграничной Церкви).

Кромѣ духовныхъ представителей, были: представитель Англійскаго Короля, высшіе сановники и чиновники, и тысячи народа. Былъ не только переполненъ громадный соборъ, но и вся площадь предъ соборомъ была запружена народомъ. Въ соборъ пропускали по билетамъ. Изъ Лондона въ Кентербери былъ снаряженъ для участниковъ торжества спеціальный поѣздъ. Внѣшняя обстановка торжества поражала своей сказочной красотой. Готическій стиль величественнаго стариннаго собора, сонмъ духовенства въ бѣлыхъ облаченіяхъ, епископатъ въ бѣломъ съ красными мантіями, высшіе чиновники въ средневѣковыхъ парикахъ, мантіяхъ, тогахъ и разныхъ костюмахъ, прекрасное хоровое пѣніе и органъ, — все это производило впечатлѣніе какого то дивнаго сновидѣнья изъ средневѣковья. Новаго Архіепископа торжественно посадили на тронъ Св. Августина, а потомъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ Англиканскую Церковь къ миру. Торжество закончилось церемоніальнымъ шествіемъ вокругъ собора.

По окончаніи торжества, почетные гости были приглашены на завтракъ, въ числѣ нихъ и русскій Архимандритъ Николай. За завтракомъ новый Архіепископъ Кентерберійскій любезно обходилъ присутствовавшихъ и знакомился съ ними. Архимандритъ Николай привѣтствовалъ Архіепископа Примаса отъ имени Русской Православной Церкви на эмиграціи. Архіепископъ-Примасъ благодарилъ о. Николая, высказавъ при этомъ свою радость по поводу присутствія на его интронизаціи представителя Русской Православной Церкви, которую онъ такъ любитъ,—и добавилъ, что отъ покойнаго Патріарха Тихона онъ имѣлъ собственноручныя письма, а Митрополита Антонія (Храповицкаго) знаетъ лично.

Протестантская печать говоритъ, что назначеніе д-ра Космы Гордона Ланга Архіепископомъ Кентерберійскимъ, Примасомъ Англіи, обращаетъ на себя вниманіе не только въ Англіи, и комментируется какъ рѣшительный отходъ отъ всякихъ католичествующихъ попытокъ въ Англиканской Церкви. Архіепископъ Лангъ —сынъ пресвитеріанскаго пастора, и, якобы по словамъ лицъ близко знающихъ его, не забылъ онъ и о томъ, что былъ воспитанъ въ радикально евангелическомъ духѣ. Его происхожденіе и симпатіи, будто бы, сыграли рѣшающую роль при его назначеніи, и именно это служитъ подтвержденіемъ воли англійскаго народа, который дважды уже отклонилъ проектъ измѣненія книги молитвословій въ римско-католическомъ духѣ.

РЕЛИГІОЗНЫЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМЪ, ЕГО ПРИЧИНЫ И БОРЬБА СЪ НИМЪ.

Всѣ Церкви міра единодушно обращаютъ вниманіе на жуткій фактъ, что населеніе большихъ городовъ и промышленныхъ центровъ массами отвращается отъ религіи. До сихъ поръ удовлетворялись только констатированіемъ печальнаго факта и пожиманіемъ плечъ, нынѣ же все чаще раздаются голоса, требующіе изслѣдованія этого явленія. Достоинъ примѣчанія голосъ франкфуртскаго пастора Алойза Эккерта, который въ спеціальной брошюрѣ, посвященной проблемѣ религіознаго индифферентизма въ большихъ городахъ, дѣлаетъ рядъ замѣчаній, заслуживающихъ вниманія мыслящаго человѣка. Эккертъ пишетъ, между прочимъ: „Существуетъ такое униженное общественное положеніе, при которомъ просто отсутствуетъ всякое религіозное устремленіе. Поэтому, именно обойденные общественные и хозяйственные слои, именно рабочіе промышленности, почти всѣ оказались утерянными для Церкви". Установивъ этотъ общеизвѣстный фактъ, Эккертъ добавляетъ: „Наша пастырская работа носитъ черезчуръ личный, а не общественный характеръ. Выполняется масса работы мелкой, посвященной личности, но зато ничего не дѣлается въ широкомъ масштабѣ для рабочаго класса, какъ цѣлаго. Миссіонерская дѣятельность міранъ и большой успѣхъ таковой въ первомъ вѣкѣ христіанства объясняется готовностью оказать быструю и дѣйствительную помощь тамъ, гдѣ это нужно. Эта именно пастырская дѣятельность міранъ, жертвенная, доброжелательная, является отвѣтомъ на вопросъ, почему первоначальное христіанство такъ быстро завоевало міръ." Кто имѣлъ дѣло съ рабочими массами, тотъ знаетъ, что слово пропаганды христіанской тамъ давно ужъ изгнано словомъ пропаганды антихристіанской. Массы эти могутъ быть вновь пріобрѣтены для христіанства исключительно дѣломъ. Религіозная вѣра—это извѣстная разновидность оптимизма. Человѣкъ же обиженный въ хозяйственномъ и общественномъ отношеніи становится такимъ пессимистомъ, что въ сердцѣ его не находится мѣста ни для какого оптимизма, въ томъ числѣ и религіознаго.

ЧТЕНІЕ ГАЗЕТЪ ВЪ ШКОЛАХЪ.

Въ Даніи введено въ школахъ чтеніе газетъ, какъ предметъ преподаванія. Пока чтеніе разныхъ газетъ предписывается ученикамъ старшихъ гимназическихъ классовъ. На урокѣ обсуждаются отдѣльныя извѣстія, передовыя статьи, публицистическіе комментаріи различныхъ событій и т. д. Этотъ матеріалъ потомъ использовывается при письменныхъ работахъ. Дѣло тутъ заключается въ пробужденіи въ ученикахъ критическаго отношенія къ печатному слову. Это наилучшее средство борьбы противъ дурной печати, гонящейся за сенсаціей и эксплоатирующей наивность и невѣжество читателей. Сенсація и ложь торжествовали достаточно долго. Опытъ дѣтскихъ школъ слѣдуетъ всячески привѣтствовать и пожелать, чтобы онъ принесъ наилучшіе плоды. Какъ пригодились бы такіе уроки у насъ, гдѣ всевозможные „курьеры" весьма безцеремоннымъ образомъ играютъ на темнотѣ читателей, падкихъ на сенсаціи.

ПРОФАНАЦІЯ ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Еще недавно смѣялись надъ англійскимъ обычаемъ праздновать воскресный день. Теперь отовсюду слышатся голоса, сѣтующіе, что воскресеніе все

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ VI-й. 20 января 1929 года. № 3.

Христовъ свѣтъ.

Оставивъ Назаретъ, въ которомъ выросъ и воспитанъ былъ, Христосъ Господь ушелъ въ приморскій городокъ Капернаумъ и поселился здѣсь, въ заіорданской сторонѣ, въ полуязыческихъ, непросвѣщенныхъ земляхъ Завулона.

Тогда-то сбылись древнія гаданія Исаіи пророка, говорившаго, что „Невфалимова и Завулонова земля, лежащая на приморскомъ пути за Іорданомъ и языческая Галилея, люди, въ тьмѣ томившіеся цѣлыми вѣками, увидали свѣтъ; сидѣвшимъ въ странѣ и тѣни смертной — свѣтъ великій возсіялъ" (Ис. 9 гл., ст. 1-2)

Бѣжала ночь грѣховная, и Божій день насталъ, когда Христосъ-Спаситель поселился здѣсь, среди убогой стороны.

И полились глаголы Божіи, и къ покаянію сзывалъ людей Господень гласъ, и проповѣдь о приближеніи небеснаго, новозавѣтнаго, святаго царства Мессіанскаго по весямъ Галилейскимъ полилась.

Не къ тѣмъ пришелъ Господь, которые себя возмнили просвѣщенными и правовѣрными, святыми; не среди гордыхъ книжниковъ-ученыхъ борозду вспахалъ великій Сѣятель и кинулъ сѣмена: нѣтъ, къ рыбарямъ некнижнымъ и простымъ и къ людямъ неученымъ, къ сердцамъ добрымъ этой меньшей братіи уста Свои отверзъ.

Надъ Галилейскимъ озеромъ, надъ голубой волной его — здѣсь колыбелька древняя евангельскихъ словесъ!

Отсюда христіанскій свѣтъ Господняго ученія пролился въ тьму грѣховности людской и души человѣческія просвѣтилъ, и міръ весь озарилъ Собой.

. . . .

Съ тѣхъ отдаленныхъ поръ прошли вѣка... И въ наши нынѣ дни Святая Церковь Православная справляетъ ежегодно свой традиціонный „Праздникъ Свѣта", вспоминая то пришествіе на землю Свѣта невечерняго, которое свершилось нѣкогда въ обѣтованной Палестинѣ.

Отпраздновали мы недавно „святки" — это длинный двухнедѣльный зимній сплошной праздникъ...

Начали свершать его воспоминаніемъ о свѣтѣ зорьки вифлеемской на Востокѣ... Свѣтъ ея привелъ насъ съ богомудрыми волхвами къ храминѣ убогой, къ яслямъ, во вертепъ. Здѣсь духовнымъ взоромъ мы увидѣли, какъ возлежалъ на сѣнѣ новонарожденный Эммануилъ — тихій Свѣтъ всего Израиля и Упованіе всѣхъ концевъ міра. И поклонились мы глубоко-низко Божьему Единородному, Предвѣчнѣйшему Сыну Слову, „въ дни послѣдніе родившемуся, ради насъ, отъ Приснодѣвы".

Дальше — насъ Святая Церковь привела на берегъ Іордана: мы достигли дня Богоявленія или Крещенія Господня. Въ этотъ день мы покланялись Богу въ Троицѣ Пресвятой явившемуся всѣмъ открыто.

Дальше — Святая Церковь насъ ведетъ за руки къ празднованію „Недѣли послѣ Просвѣщенія".

Богъ открылся грѣшному и темному духовно человѣку. Научилъ насъ „вѣдати Его — Превѣчнаго Отца и Единороднаго Его и Истиннаго Сына и Святаго и Утѣшителя Духа".

„Праздникъ Свѣтовъ" — конченъ. Міръ весь просвѣтился: надъ водами Іорданскими Тріѵпостасный Богъ явился; людямъ всѣмъ открыта нынѣ велія, предивнѣйшая тайна благочестія, „яко Богъ явился человѣчеству во плоти".

А сегодня вспоминаемъ мы ту сторону забытую, заброшенную,—Галилею бѣдную духовно, которую сподобилъ Іисусъ Христосъ Своей нарочитой науки и чудесъ; ту землю, — гдѣ Онъ отыскалъ Себѣ учениковъ, откуда Онъ апостоловъ призвалъ; ту землю, гдѣ сѣдящему во тьмѣ народу — свѣтъ великій возсіялъ.

И сравниваемъ мы себя сегодня съ „Галилеею-языкъ", во мракѣ находившеюся, а, затѣмъ, черезъ божественный глаголъ содѣлавшеюся страною просвѣщенною и колыбелью христіанства.

Вѣдь же не къ тѣмъ изъ насъ пришелъ Господь, которые себя возмнили мудрецами, просвѣщенными... Онъ къ „буимъ" міра нашего пришелъ, и Онъ юродство предпочелъ людской премудрости кичливой. Онъ тамъ, надъ Галилейской голубой волной избралъ для Царства Своего Святого бѣдныхъ неученыхъ рыбаковъ... Онъ ими міръ весь уловилъ потомъ...

О, Господи! И наши бѣдныя, во тьмѣ грѣха сѣдящія сердца Ты озари небеснымъ свѣтомъ Твоего Богоразумія...

Пусть мы уйдемъ отъ суетной премудрости мірской надменной и крикливой! Пусть въ тишинѣ Святого Корабля, — въ Церкви Твоей, мы обрѣтемъ тотъ невечерній тихій Свѣтъ, тотъ Божій миръ, невозмутимѣйшій покой, который Ты принесъ когда-то въ ясли вифлемскія съ Собой!

Нашъ „Праздникъ Свѣтовъ" конченъ... Ужъ раздается голосъ Твой, зовущій къ покаянію.

Такъ помоги же, Господи, Твоимъ Сынамъ покончить всѣмъ съ грѣховною премудростью мірской, и, чрезъ юродство наше во Христѣ, въ Свой Лучезарный Свѣтъ немеркнущаго Царства Божьяго введи, поющихъ Тебя, Сыне Божій, вѣрно!

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

ВЪ ЧЕМЪ ПРОДОЛЖАЛО ОТРАЖАТЬСЯ ВЛІЯНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ НА ПОСЛѢДНИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Два печальныхъ явленія выросли на организмѣ русской національности, расколъ въ народѣ и толстовщина въ обществѣ; послѣдняя есть тоже не столько наносное, сколько свое доморощенное явленіе; это тоже свой расколъ, но не въ народѣ, а въ обществѣ. Однако, подобно тому, какъ расколъ, представляя въ своемъ происхожденіи собой явленіе національное, нашелъ себѣ обоснованіе и прочность подъ вліяніемъ западной католической литературы, перешедшей въ наши старопечатныя книги черезъ Юго-Западную Россію,—точно такъ же и толстовское направленіе нашло себѣ опредѣленную форму, подъ сильнымъ вліяніемъ западной и въ частности философіи Шопенгауэра и Гартмана, ученикомъ которыхъ явился Л. Толстой. Зависимость послѣдняго отъ западныхъ теорій, однако, существенно отличается отъ прочихъ ренегатовъ нашей вѣры и народности. Извѣстнѣйшіе въ исторіи русской мысли XIX вѣка дѣятели и писатели (напр., въ области этической—Бѣлинскій, въ области религіозной—Пашковъ, въ области философской—Герценъ, Тургеневъ и Грановскій) заимствовали на Западѣ модныя идеи цѣликомъ и безъ всякихъ почти поправокъ пересаживали ихъ на русскую почву и проводили въ художественной или научной литературѣ и проповѣди. Тому же вліянію западныхъ идей подвергся въ 60 хъ годахъ прошлаго столѣтія и гр. Л. Н. Толстой, но не такъ какъ другіе мыслители. Правда, проф. А. Ѳ. Гусевъ въ своей книгѣ, посвященной разбору ученія гр. Толстого, подробно доказалъ, что все метафизическое ученіе яснополянскаго философа позаимствовано отъ нѣмецкаго философа Шопенгауэра. Но, скажемъ отъ себя, Толстой внесъ въ это ученіе существенныя поправки, сближающія его съ идеями восточными и подчасъ близко подводящія его къ православно-русскимъ взглядамъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ въ истинномъ свѣтѣ міровоззрѣніе Толстого, надобно сперва указать на коренное различіе двухъ цивилизацій: западно-европейской правовой и восточной. Послѣдняя исходитъ изъ начала личности; она почитаетъ самою великою цѣнностью—стремленіе къ духовному совершенству личности и установленіе тѣсной связи ея съ Божествомъ. Л. Н. Толстой, являясь по рожденію и воспитанію сыномъ народа русскаго, усвоившаго себѣ восточную культуру, стоитъ на томъ же принципѣ, несмотря на увлеченіе идеями Шопенгауэра и на вліяніе западной цивилизаціи. Это обстоятельство главнымъ образомъ сближаетъ ученіе Толстого съ православно-христіанскими взглядами на жизнь и дѣлаетъ его національнымъ русскимъ мыслителемъ.

Въ противоположность восточной—западная цивилизація устанавливаетъ напередъ общія, принудительныя правила и законы жизни, теоретическіе шаблоны, а затѣмъ уже старается подвести подъ нихъ внѣшнюю жизнь личности посредствомъ школы и науки. Такъ построяется Римскій католицизмъ, западное правовое государство, такъ вообще складывается все мышленіе западныхъ философовъ. Возьмемъ для примѣра способы христіанской проповѣди среди язычниковъ. Задавшись цѣлью просвѣтить христіанствомъ какихъ-либо дикарей, Римъ сначала устанавливаетъ организаціи миссіи, назначаетъ жалованье миссіонерамъ, опредѣляетъ ихъ права и обязанности, а затѣмъ старается подыскать способныхъ для себя дѣятелей. У насъ же миссіонерское дѣло развилось иначе.

Какой нибудь отшельникъ, или смиренный дьячекъ, возгорясь ревностію о славѣ Божіей, шелъ съ проповѣдью христіанства къ дикарямъ и своими подвигами изумлялъ послѣднихъ, привлекалъ къ себѣ вниманіе, а затѣмъ довѣріе и послѣдователей. Встрѣчая затѣмъ помѣхи своему дѣлу, онъ возвращался назадъ къ святителямъ и царямъ, начиналъ усовершенствоваться въ своихъ богословскихъ познаніяхъ, составлялъ грамоту для новыхъ племенъ, бралъ необходимыя полномочія и затѣмъ уже снова приходилъ на то же мѣсто и довершалъ съ внѣшними средствами въ рукахъ то, что началъ одними только личными подвигами. Въ своихъ воззрѣніяхъ на средства усовершенія общественной жизни Л. Н. Толстой всецѣло принадлежалъ востоку, и хотя онъ откололся отъ восточнаго церковнаго сознанія, но это скорѣе раскольникъ внутренній, чѣмъ внѣшній. Его сродность съ восточными идеями сильнѣе обнаруживается въ его ученіи, нежели онъ это подозрѣвалъ.

Чтобы оправдать такой взглядъ на него, остановимся на тѣхъ возраженіяхъ, какія можно привести противъ признанія его внутреннимъ раскольникомъ русской духовной жизни. Прежде всего скажутъ, что онъ отрицалъ самый національзмъ, патріотизмъ, государственность, Церковь, догматы, Библію, Посланія и большую часть Евангелія. Мало того, ради космополитизма онъ пожертвовалъ самыми дорогими и возвышенными истинами Христова ученія: онъ говорилъ, будто заповѣдь о любви къ врагамъ имѣетъ въ виду враговъ вовсе не личныхъ а только политическихъ. Кстати скажемъ: какъ забавно, что всѣ убѣждены, будто онъ проповѣдывалъ любовь, въ то время какъ онъ самъ въ своемъ „Объясненіи Евангелія" заявляетъ, что личныхъ враговъ любить невозможно, и заповѣдь Христова требуетъ любви къ врагамъ политическимъ. Не вѣдь каждому, читавшему Евангеліе, видно, что Христосъ имѣетъ тутъ въ виду именно личныхъ враговъ, ибо перечисляются и самые случаи, въ какихъ можетъ обнаруживаться ихъ враждебность: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ" (Мѳ. 5, 44). Кажется, не нужно никакихъ филологическихъ изысканій, чтобы видѣть это и понять, что Л. Толстой намѣренно жертвуетъ самымъ высокимъ принципомъ христіанской любви—любовью къ врагамъ, лишь бы утвердить Евангеліемъ космополитизмъ.

Не нужно, впрочемъ, удивляться незнанію публики его подлиннаго ученія, его отрицанія любви. Еще рѣзче появилось непониманіе философскихъ его взглядовъ въ только что пережитыхъ восторженныхъ чествованіяхъ его памяти, въ чемъ самое большее участіе проявили какъ

разъ тѣ корпораціи и учрежденія, которыя онъ отрицалъ и бранилъ самыми жестокими словами: такъ, докторовъ называетъ Толстой въ „Крейцеровой Сонатѣ“ не иначе какъ мошенники; судей онъ ставилъ наравнѣ съ разбойниками; адвокатуру и судебныя учрежденія чиститъ тоже самыми бранными эпитетами; а между тѣмъ медики и юристы являются самыми восторженными демонстрантами на его посмертномъ тріумфѣ. Далѣе чехи и др. славяне убѣждены, что Толстой славянофилъ, тогда какъ самъ онъ войну съ Турціей называетъ безсмысленнымъ дѣломъ горсти сумашедшихъ; издѣвается надъ славянофильствомъ, которое въ корнѣ своемъ имѣетъ идею націонализма, безусловно отрицаемаго авторомъ.

Основаніе школъ въ память его и чествованія въ университетахъ тоже представляютъ одно недоразумѣніе. Вѣдь самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Въ чемъ моя вѣра“ и „Царство Божіе внутри васъ есть“ отрицаетъ всякое школьное образованіе и воспитаніе, и свое собственное учительство признаетъ заблужденіемъ; объ университетѣ же онъ упоминаетъ съ горькой укоризной (можетъ быть потому, что ему самому тамъ не повезло). Извѣстны также его взгляды на университетскій курсъ по тѣмъ письмамъ, какія онъ писалъ въ отвѣтъ студентамъ, обращавшимся къ нему за матеріальною помощію: онъ признаетъ высшій учебный курсъ не образованіемъ, а добытіемъ диплома.

Поневолѣ по поводу чествованія писателя учрежденіями, имъ отрицаемыми, припоминаются слова Некрасова о демонстраціи декабристовъ.

„Едва ли сотый понималъ,
Что дѣлается тутъ“...

Толстого чествовали, конечно, не столько, какъ романиста, сколько какъ философа отрицателя, но чествовали именно тѣ, кто его философскихъ сочиненій не читалъ. Справедливо писалъ Л. Н. Толстой, что на 100 читателей его романовъ, едва найдется 2 читателя его философскихъ произведеній; онъ приписывалъ это цензурнымъ препятствіемъ, но съ 1905 г. они устранились, а читать его все-таки не стали, потому что въ настоящее время гоняются за легкостью чтенія; общество читаетъ лишь статьи, написанныя короткими строками.

Итакъ. Л. Толстой (возвращаемся къ предмету рѣчи) былъ фанатикомъ космополитизма, антинаціонализма, но при всемъ томъ Л. Н. Толстой былъ русскимъ національнымъ философомъ-писателемъ уже по самому исходному пункту своего философствованія, который всегда указывался въ мучительномъ сознаніи имъ того несоотвѣтствія, которое наблюдается между высокими стремленіями души и ея дѣйствительною жизнью. Его теоретическій космополитизмъ стоитъ въ противорѣчіи съ національнымъ духомъ его философскихъ созерцаній.

Исторія русской литературы представляетъ намъ нѣсколько такихъ поразительныхъ примѣровъ, когда геній писателя шелъ въ разрѣзъ съ его теоретическими положеніями. Такъ авторъ, „Отцовъ и дѣтей“ хотѣлъ изобразить нигилиста Базарова въ симпатичномъ свѣтѣ, но по отзывамъ современной роману критики, въ этомъ героѣ получился, противъ желанія автора, типъ каррикатурный. Съ другой стороны, желая изобразить униженную русскимъ варварствомъ человѣческую личность, Тургеневъ въ своемъ разсказѣ „Живыя мощи“ возвелъ свою героиню на недосягаемую высоту нравственнаго величія. Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „Кому на Руси жить хорошо“, при всемъ желаніи осмѣять существующій строй жизни русской, разражается восторженнымъ гимномъ русскому государю. Такъ непроизвольно иногда геній художника идетъ противъ своихъ теоретическихъ положеній.

Русская читающая публика инстинктивно чувствуетъ правду русскаго художественнаго генія, восторженно отмѣчаетъ это своимъ сосувствіемъ, и не смотря на то, что часто писатели натаскиваютъ много дѣланнаго, неискренняго въ свои произведенія, публика чутьемъ улавливаетъ истинныя симпатіи художника и идетъ за нимъ. Художниковъ слова русское общество поэтому предпочитаетъ своимъ философамъ и ученымъ, и не лишаетъ поэта своей любви и преклоненія, если даже онъ и говоритъ что-либо противное современнымъ понятіямъ и привычкамъ. Такъ, напр., Достоевскій говорилъ русскому обществу такія горькія истины, какихъ никто до него не высказывалъ (что, напр., всякій русскій либералъ ненавидитъ самую Россію и т. п.), и тѣмъ не менѣе русское общество его обожало и ему первому устроило торжественныя общенародныя похороны совершенно непосредственно, не такъ какъ современнымъ дѣятелямъ и тому-же яснополянскому философу.

Чѣмъ же другимъ объяснить это единодушіе лицъ всѣхъ направленій общества въ его любви къ своимъ поэтамъ, какъ не той способностью русскаго сердца уловить высшія непосредственныя откровенія духа одаренныхъ людей преимущественно предъ отвлеченною рѣчью ученаго резонера.

Въ томъ и сказывается огромное преимущество русскаго духа, что онъ вѣрно подмѣчаетъ разницу между голосами его генія и его теоретическими, заимствованными заблужденіями Но если у другихъ писателей противорѣчіе это оставалось между различными силами ихъ духа—познавательными и творческими,—то у Л. Толстого оно шло глубже, и проводилось въ его теоретическое ученіе.

Мы сказали, что мысль Толстого исходитъ изъ одного основного принципа—возрожденія личности, какъ главной цѣнности и главнаго средства возвышенія общественной жизни. Предъявляя это начало, какъ философскую аксіому, Толстой зналъ, что русскій читатель никогда не рѣшится отъ нея отказаться и заявить, какъ, напр., нѣмцы, что никакого возрожденія не надо и его не можетъ быть. Нѣмцы же рѣшаются здѣсь отвергать принципъ даже своего всеобщаго кумира—Канта и объясняютъ его строго нравственные принципы лишь данью піэтическому воспитанію философа. Русскій читатель на подобный нравственный нигилизмъ не рѣшится никогда, и сродное православію утвержденіе Л. Толстого о необходимости возрожденія личности является роднымъ и симпатичнымъ для русскаго читателя.

Но этотъ основной философскій принципъ Льва Николаевича во всѣхъ его произведеніяхъ находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ тѣмъ общимъ метафизическимъ ученіемъ, какое онъ позаимствовалъ на западѣ. Это предвзятое міровоззрѣніе—есть пантеизмъ.

Пантеизмъ весьма близокъ къ матеріализму и въ основѣ міра ничего другого не признаетъ, кромѣ космическаго мірового процесса, т. е. матеріи и присущихъ ей необходимыхъ законовъ. Въ своемъ развитіи на западѣ пантеизмъ сроднился, сросся съ такъ называемымъ дарвинизмомъ и

эволюціонизмомъ; то-же у Толстого. Никакой Божественной, живой разумной, личной силѣ въ его міровоззрѣніи не можетъ быть мѣста. Потому и не можетъ быть, по его ученію, никакого общенія между человѣкомъ и Богомъ, что сознающей Божественной личности не существуетъ. Отсюда и утвержденіе, будто Толстой былъ религіозенъ, молился и навелъ на себя недовольство Церкви за то только, что обличалъ духовенство, и отрицалъ нѣкоторые обряды, является лишь плодомъ незнанія или неискренности.

Подъ религіей Толстой разумѣлъ наше отношеніе къ человѣчеству и природѣ, а подъ молитвой—напоминаніе себѣ своихъ нравственныхъ принциповъ. Пантеизмъ есть такое же безбожіе, какъ и матеріализмъ. Условная разница между матеріализмомъ и пантеизмомъ заключается только въ томъ, на что обращается вниманіе изслѣдователя въ вопросѣ о происхожденіи міра: на пассивную или активную сторону его, на матерію ли, которая подвергается эволюціи, или на тѣ силы и законы, которые совершаютъ эту эволюцію природы, а затѣмъ и человѣческаго общества. Законы эти обобщаются философами въ одинъ общій законъ, который и считается божествомъ, всецѣло исчерпывающимся въ жизни космоса или міровыхъ планетъ и кометъ; божество это вмѣстѣ съ матеріей и всѣми живыми существами подвержено своему поступательному развитію или эволюціи.

Въ такомъ міровоззрѣніи, конечно, не можетъ быть мѣста ни для свободы воли, ни для нравственной отвѣтственности человѣка. Всѣ его дѣйствія опредѣляются съ необходимостью тѣми законами, какимъ подчинены всѣ вещи въ мірѣ. Самыя благородныя движенія человѣческаго сердца суть—такія-же равнодѣйствующія разныхъ условій, какъ стремленіе самоотверженной насѣдки къ защитѣ своихъ дѣтенышей. Дѣйствіе свободной воли суть ничто иное, какъ ходъ хорошо устроеннаго локомотива. Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой либо одушевленной проповѣди добродѣтели и внутренней борьбы. Правда, можно, напр., предостерегать человѣка, стоящаго на краю пропасти, о грозящей ему опасности, но это не увѣщаніе, а сообщеніе факта. Увѣщанія нравственнаго, разсчитаннаго на то, что человѣкъ можетъ пойти противъ себя, что онъ отвѣтственъ за свои поступки,—такого ученія въ пантеизмѣ быть не можетъ. И германскіе ученые признаются, что, гдѣ пантеизмъ, тамъ нѣтъ мѣста нравственному подвигу, тамъ подвигъ замѣняется благоразуміемъ. Можно правда указывать, что страсти, напр., разстраиваютъ здоровье, или убѣдить ребенка не кушать конфектъ, потому что это вредно для желудка. Но такіе совѣты, имѣющіе цѣлью благополучіе, опираются на познаніе, дающее просторъ и успѣхъ самосохраненію, т. е. не нравственному, а себялюбивому мотиву. Послѣдовательные пантеисты неотрицаются отъ такого нравственнаго нигилизма. Себялюбіе и познаніе ограждаютъ людей отъ бѣдъ, говорятъ они, а въ этомъ и заключается прогрессъ. Когда люди узнаютъ, что имъ вредно, они поневолѣ будутъ лучше.

Но нелѣпость такого предположенія сразу-же бросается въ глаза, ибо выходило бы тогда, что гдѣ знаніе, тамъ и добро.

По силѣ этого утвержденія, напр., выходило бы, что если невинная дѣвушка пала и погрязла въ развратѣ, стала Массалиной или Чухой, то она сдѣлалась лучшей, чѣмъ была въ 15 лѣтъ, потому что узнала гораздо больше, чѣмъ знала тогда.

Толстой понимаетъ это затрудненіе и старается выйти изъ него посредствомъ такихъ соображеній. Знаніе, говоритъ онъ, дѣйствительно необходимо влечетъ къ добру. Человѣкъ дѣлаетъ лишь то, что онъ считаетъ высшимъ благомъ: узнаетъ, въ чемъ оно для него состоитъ, и будетъ поступать сообразно сему. Но случается такъ, что человѣкъ считаетъ благомъ зло и потому слѣдуетъ ему. Такъ, напр., поступали софисты, книжники и фарисеи, богословы и священники, которые замѣнили истинное благо безсмысленными догматами, и стали требовать вмѣсто исполненія заповѣдей добродѣтели одних обрядовъ и давить личность христіанъ. Толстой будто-бы открылъ глаза на настоящее благо и если-бы всѣ люди также узнали истинное благо, то не было бы и паденій. Итакъ, вопреки нѣмецкимъ пантеистамъ, принужденнымъ признавать во всемъ прогрессъ и нигдѣ не регрессъ (ибо познаніе вездѣ умножается, а незнаніе уменьшается и слѣдовательно зло должно уменьшаться), Толстой признаетъ активное развитіе зла чрезъ распространеніе *ложнаго знанія* или обмана. Эту идею онъ старается провести и въ своихъ повѣстяхъ. Паденіе своихъ героевъ онъ старается представить какъ слѣдствіе такого незнанія. Нехлюдовъ въ „Воскресеніи" дѣлаетъ мерзость, потому что вспоминаетъ, что другіе такъ дѣлаютъ, и оправдываетъ себя. Тоже и герои „Крецеровой Сонаты". Такія же ошибочныя посылки влекутъ людей, по ложному убѣжденію, на войну и на насиліе ближнихъ.—Но можно ли смѣшивать двѣ совершенно различныя вещи? Вѣдь герои Л. Толстого падаютъ не потому, что имѣютъ ложныя познанія, а потому что прочны, и неискренно подыскиваютъ для себя смягчающія предлоги, чтобы ослабить страданіе, наносимое укорами совѣсти. Иное дѣло подчиненіе себя страстямъ и злой волѣ и иное дѣло подвигъ воли (напр., война), хотя бы признаваемый Толстымъ за вредную ошибку и зло въ общественной жизни. Въ этомъ случаѣ люди устремляются на подвигъ не по злой волѣ, а по убѣжденію, которое Л. Н. признаетъ ложнымъ; но въ порокахъ и паденіяхъ — другое дѣло. Здѣсь собственно не ложныя мысли, а грубыя страсти влекутъ человѣка въ бездну паденія. И это самъ Толстой вопреки себѣ самому, но замѣчательно хорошо воспроизводилъ въ драмѣ „Власть тьмы": люди дѣлаютъ зло (развратъ и дѣтоубійство) вопреки собственнымъ убѣжденіямъ. Рисуя такія картины рабства человѣка своей злой волѣ, Толстой идетъ противъ своего ученія о знаніи, какъ необходимомъ управителѣ человѣческихъ дѣйствій, а допуская развивающуюся въ жизни силу ложныхъ знаній, онъ и въ теоріи старался внести поправку въ ученіе нѣмецкаго пантеизма. Но теоретическая поправка нѣмецкаго фатализма ему не удалась, а поправка художественная идетъ въ разрѣзъ съ его собственною теоріей.

Что касается личныхъ убѣжденій гр. Л. Толстого, то и здѣсь необходимо указать такую же разницу между теоретическими положеніями его философіи и личной жизнью. Напрасно считаютъ его многіе проповѣдникомъ христіанской любви. Правда, его влеченія сердца весьма приближались къ принципамъ церковнымъ, но теорія опять не могла вмѣстить ихъ въ себя. Такъ, по теоріи Толстого помощь ближнему можетъ проявляться лишь въ работѣ, помощь же деньгами онъ со-

вершенно отвергалъ, и самыя деньги считалъ явленіемъ безнравственнымъ. Для каждой же личности онъ проповѣдывалъ обязательно бѣдность, порицалъ собственность.

Церковное сознаніе, хотя и не такъ относится къ деньгамъ, но допускаетъ богатство лишь какъ средство для служенія ближнимъ. Въ такомъ именно смыслѣ рѣшаетъ данный вопросъ Св. Климентъ Александрійскій въ своемъ сочиненіи „Какой богачъ спасается". Между тѣмъ Толстой, отвергая собственность, проповѣдуя отреченіе отъ богатства, отвергаетъ въ теоріи и помощь ближнему выражаемую подачей денегъ или даже хлѣба, хотя въ послѣднемъ году своей жизни заявляетъ, что у нихъ въ домѣ заведенъ такой порядокъ, что всѣмъ приходящимъ безработнымъ даютъ по 5 копѣекъ (маловато!). Правда, онъ это противорѣчіе могъ бы разрѣшить обычной ссылкой, что порядки его семьи отъ него не зависятъ.—Впрочемъ эта черствая теорія тоже уступила его непосредственному настроенію (дай Богъ, чтобы не тщеславію), когда онъ въ 1891 году во время голодовки принялъ руководственное участіе въ организаціи отрядовъ для помощи голодающимъ. Когда ему замѣтили (1892 г.), что такая помощь идетъ въ разрѣзъ съ его теоретическимъ убѣжденіемъ, онъ отвѣтилъ, что это случай исключительный, что невозможно идти противъ добрыхъ требованій сердца, но постарался при этомъ добавить, что все-таки хлѣбъ былъ розданъ болѣе нахальнымъ и лѣнивымъ мужикамъ, чѣмъ дѣйствительно безпомощнымъ.

Такимъ образомъ и тутъ выходитъ, что какъ человѣкъ, по натурѣ, онъ былъ выше, чѣмъ въ теоріи.

Гораздо большую близость къ нравственнымъ принципамъ православнаго ученія мы можемъ усмотрѣть въ аскетическихъ проявленіяхъ его жизни и ученія. Какъ извѣстно, онъ отстаивалъ и отчасти проводилъ въ свою личную жизнь болѣе или менѣе строго три подвижническихъ правила: не вкушать мяса, хранить дѣвственную жизнь и проводить жизнь въ бѣдности. Здѣсь онъ приближается къ требованіямъ жизни монашеской, которая такъ учитъ потому, что чрезъ отреченіе отъ удовольствій убивается начало себялюбія и возвышается святая любовь къ Богу и ближнимъ. Подобный же взглядъ проводитъ и Толстой, когда говоритъ, что, если кто проводитъ свою жизнь въ указанныхъ подвигахъ, то въ освобожденномъ сердцѣ возгорается пламень возвышенныхъ настроеній—любви и энтузіазма. Что касается подвига цѣломудрія, мысль о которомъ проводится съ настойчивостью въ „Крейцеровой Сонатѣ", то здѣсь Толстой приближается къ церковному сознанію. Правда, трудно понять изъ его разсужденій, всякій ли бракъ онъ осуждаетъ. При наиболѣе умѣренномъ пониманіи этой повѣсти, выходитъ, что бракъ есть только лучшій изъ возможныхъ для средняго человѣка выходовъ изъ моря страстей, которыя, будучи связаны съ дѣторожденіемъ и любовію къ женѣ и дѣтямъ, теряютъ свой звѣрски—жестокій характеръ и постепенно вовсе потухаютъ. Здѣсь нашъ писатель подходитъ къ принципамъ, которыми живетъ и нашъ простой народъ, о чемъ и заявляетъ открыто. Вѣдь всякая баба, выходя замужъ, говоритъ онъ, отлично сознаетъ, что беретъ на себя тяжелый крестъ: она должна подчинить себя всецѣло закону рожденія дѣтей и посвятить себя воспитанію ихъ и перенесенію всѣхъ трудностей жизни. Толстой здѣсь близко подходитъ къ ученію церковному и лишь по недоразумѣнію начинаетъ враждовать съ той Церковью, которая воспитала въ сознаніи простого народа подобные взгляды; по такому же недоразумѣнію нѣкоторые церковные мыслители рѣзко полемизировали противъ названной повѣсти Толстого. Такимъ образомъ, въ міровоззрѣніи Толстого находимъ ту существенную поправку, выгодно отличающую его отъ другихъ русскихъ писателей и философовъ, что онъ принимаетъ основной взглядъ на смыслъ жизни, близко подходящій къ требованіямъ православія, хотя и отрицаетъ всѣ догматы послѣдняго. Ученіе нашего писателя о постепенномъ совершенствованіи личности, съ такою настойчивостью проводимое въ его художественныхъ произведеніяхъ, стоитъ гораздо ближе къ церковному ученію о жизни, чѣмъ современное, такъ называемое, интеллигентное общество, которое и слушать даже не хочетъ о различныхъ средствахъ совершенствованія личности, о постѣ, уединеніи, бѣдности и т. п. Даже нѣкоторые славянофилы, писатели наиболѣе близкіе къ національному сознанію русскаго народа (какъ, напр., А. Толстой) и бытописатели среды духовной (напр., Лѣсковъ), допускаютъ возможность мгновеннаго возрожденія личности безъ всякихъ подвиговъ. Вообще современная русская интеллигенція не любитъ даже слышать о какой либо серіозной борьбѣ съ собою, съ собственнымъ эгоизмомъ, такъ-что въ этомъ отношеніи основной взглядъ Толстого заключаетъ въ себѣ весьма много симпатичнаго, и если современники надъ нимъ не рѣшаются смѣяться, то и читать его не любятъ именно вслѣдствіе глубокаго пониженія своихъ своихъ нравственныхъ интересовъ.

Эта же черта его міровоззрѣнія въ значительной степени приближаетъ къ идеаламъ русскаго народа и даетъ основаніе для той особенной любви, какую Толстой имѣлъ къ простому народу, котораго ставилъ гораздо выше интеллигентнаго общества. Конечно, нашъ писатель превозносилъ его не за то, что онъ не имѣлъ образованія, а за то, что нравственные принципы простымъ народомъ понимаются и сохраняются чище и совершеннѣе. Науку о добродѣтеляхъ, практически вѣдомую народу, Толстой считаетъ наиболѣе цѣнной изъ всѣхъ знаній. Нашъ писатель является противникомъ школъ, школьнаго образованія, но онъ собственно противъ тѣхъ знаній, какія теперь преподаются въ школахъ и гимназіяхъ, и противъ школьной организаціи. Науки же, занимающейся изученіемъ нравственной области, онъ не отвергаетъ.

Сохраненіемъ чистоты жизни простой народъ, по взгляду Л. Н., обязанъ 1) религіи, 2) земледѣльческому быту и 3) бѣдности; въ этомъ отношеніи сказка его „Иванъ-дуракъ" исчерпываетъ всѣ его философскія размышленія на эту тему. Подобное предпочтеніе простого народа предъ интеллигенціей проводится Толстымъ и въ комедіи „Плоды просвѣщенія", гдѣ прямо устанавливается тотъ выводъ, что мужикъ и лучше и умнѣе такъ называемыхъ образованныхъ господъ, надъ которыми авторъ жестоко издѣвается. Любовь къ простому русскому народу дѣлаетъ Льва Николаевича въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе національнымъ, чѣмъ націоналистовъ—консерваторовъ, которые все же не могутъ отрѣшиться отъ нѣкотораго преувеличеннаго мнѣнія о достоинствѣ интеллигенціи и смотрятъ на простой народъ лишь какъ на почву, на которой можетъ

процвѣтать пышный цвѣтъ интеллигентныхъ классовъ общества.

Признавая земледѣліе и бѣдность главными условіями общественной нравственности, Толстой въ свою личную жизнь стремился внести тѣ же условія нравственнаго усовершенствованія. Но отречься отъ собственности оказалось не такъ то легко, хотя по его теоріи и выходитъ, что съ этого слѣдуетъ начинать возрожденіе. И вотъ, почувствовавъ въ этомъ неудачу, Толстой горько жалуется, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Энгельгарду, на свое безсиліе въ проведеніи этого принципа въ жизнь. „Не могу отречься, писалъ онъ, но пусть меня пожалѣютъ, пусть научатъ, а не укоряютъ, не бросаютъ камнями"... Въ данномъ отношеніи Толстой приближается къ церковнымъ взглядамъ на бѣдность, какъ на условіе совершенства. Но въ то время, какъ Церковь, согласно съ ученіемъ Спасителя, высказаннымъ въ повелѣніи богатому юношѣ, требуетъ, прежде чѣмъ добровольной нищеты, исполненія всѣхъ прочихъ заповѣдей: не убій, не прелюбы сотвори, чти отца твоего и матерь твою, и затѣмъ уже, какъ завершенія добродѣтелей, продай имѣніе и дай нищимъ (Мѳ.19,-18, 21),—Л. Толстой, напротивъ, хотѣлъ начинать съ того, что Церковію ставится какъ высшее звено подъема жизни. Прибавимъ кстати, что вполнѣ понятно, почему заповѣдь о бѣдности можетъ быть обращена къ человѣку, исполнившему прочія заповѣди Моисея. Представьте себѣ, если человѣкъ пьяный, развратникъ, кощунникъ, не повинующійся родителямъ, раздастъ имѣніе свое и обратится въ бѣдняка, то что изъ него будетъ? онъ обратится въ босяка, празднаго попрошая или дармоѣда-приживальшика. Нормальное развитіе высшаго подвижничества въ нар дной жизни представляетъ намъ картину постепеннаго восхожденія въ такомъ порядкѣ: сначала подвижникъ долгое время подвизается въ условіяхъ общественной и семейной жизни, въ какихъ родился, изучая священныя книги, проводя жизнь въ постѣ и молитвѣ. Затѣмъ уже, когда видитъ въ мірской жизни препятствіе къ дальнѣйшему совершенствованію, то удаляется отъ своего общественнаго положенія, отрекается имущества и идетъ въ монастырь и въ смиренномъ подчиненіи своей воли руководству старца завершаетъ свое земное поприще, достигая высокой степени духовнаго зрѣнія. И если Толстой восхвалялъ жизнь простого народа, то ему слѣдовало принять лишь такую программу, какая предносится сознанію простого человѣка въ церковномъ наученіи. Главнымъ же основаніемъ этого порядка является у простого народа вѣра въ Господа Іисуса Христа, почитаніе Его Пречистой Матери, предпочтеніе главной добродѣтели смиренномудрія и пр.

Между тѣмъ Толстой здѣсь не захотѣлъ уподобиться простому народу и хотѣлъ руководиться своими фантастическими выводами, почему и оказался въ такомъ жалкомъ положеніи, на которое самъ сѣтовалъ.

Что касается второго условія, подмѣченнаго Толстымъ у простого народа, именно земледѣлія, какъ такого занятія, которое содѣйствуетъ сохраненію большей чистоты нравственной жизни, то и тутъ онъ совпалъ со взглядомъ христіанскимъ. У Сираха говорится, что земледѣліе дѣло, хотя и трудное, но священное и установленное Богомъ. Опытъ же подтверждаетъ, что развитіе фабрично-заводской цивилизаціи убиваетъ нравственную чуткость души и развиваетъ разнооб-

---

Л. Н. С.

Коля.

Разсказъ.

Темная закутанная женская фигура робко постучала въ двери батюшкинаго домика. Сидящая съ шитьемъ въ рукахъ худенькая, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ матушка насторожилась, опустивъ работу на колѣни.

— „Стучатъ, кажется",—сказала она.

Стукъ повторился.

— „И вечеромъ стучатъ! Кто бы могъ такъ поздно? Вѣрно къ больному",—тихо проговорилъ сѣдой высокій священникъ, отодвигая библію, которую читалъ, по обыкновенію, предъ сномъ.

Матушка пошла открывать дверь и черезъ минуту входила въ комнату съ бѣдно одѣтой, худой женщиной, низко поклонившейся священнику.

— „Что тебѣ, голубушка?" — ласково спросилъ о. Симеонъ, благословляя пришедшую.

Та заморгала глазами.

— „Жилица моя помираетъ, батюшка, исповѣдаться хочетъ. До утра, вѣрно, не доживетъ. Жалко ее, хорошая такая была, тихая... Мальчонка ейный сиротой останется... Охъ, горе, горе людское!.."

— „Пойдемъ сейчасъ, не умерла бы безъ причастія"..., — озабоченно произнесъ священникъ и ушелъ въ другую комнату одѣваться; а пришедшая продолжала жаловаться матушкѣ на свою судьбу: „Помретъ жиличка моя, не на что хоронить, сама я бѣдная. Она и за комнату за прошлый мѣсяцъ не заплатила, всѣ деньги на болѣзнь вышли. А тутъ хлопчикъ останется, ну куда его дѣну?! Ни родныхъ у ней нѣтъ, ни знакомыхъ, кто бы его взялъ. А у меня своихъ ртовъ достаточно. Охъ, горе, горе мое!"—вздыхала женщина.

Вздохнула и матушка. И когда о. Симеонъ съ посѣтительницей ушли и матушка, закрывъ дверь, осталась одна, — печальныя думы властно захватили ее. Она думала о томъ, какъ рѣдко приходится священнику быть участникомъ людской радости. Зато ни одно горе, ни болѣзнь, ни смерть не обходятся безъ него. Сколько слезъ и вздоховъ людскихъ приходится видѣть и слышать и ей, вѣрной спутницѣ мужа въ его священнической трудной жизни. Но, когда она была молода,—бѣда и горе мірское не пугали ее. И смерть не казалась страшной. Но съ того ужаснаго дня, когда на ея рукахъ умеръ ихъ единственный красавецъ сынъ и когда они, постарѣвшіе отъ горя, осиротѣлые родители цѣловали его мертвое лицо и не могли разбудить горячими родительскими поцѣлуями и слезами, — съ того дня всякая смерть, даже и чужого человѣка стала болью отзываться въ ея сердцѣ. Радость жизни изчезла. На душѣ ея былъ вѣчный мракъ. О. Симеонъ находилъ отраду въ молитвѣ за весь Божій міръ и, поминая умершихъ, казалось, съ одинаковой молитвенной печалью произносилъ имя ихъ Коли рядомъ со множествомъ Николаевъ, Петровъ и Ивановъ. Матушка же долгіе часы проводила въ эгоистичной

разные пороки. На фабричнаго, и вообще на человѣка, оставившаго свою землю и ушедшаго въ городъ на легкую работу, народъ нашъ взираетъ, какъ на своего рода отщепенца, какъ на личность падшую. Съ большимъ удовольствіемъ поэтому приходится отмѣтить тотъ протестъ, съ которымъ выступилъ въ газетахъ Л. Толстой, когда заговорили о необходимости разселенія народа на отрубное хозяйство и разрушеніе крестьянской общины. Въ этомъ вопросѣ онъ тоже совпалъ съ мнѣніемъ русскаго народа, который бытовое общинное устройство считаетъ священнымъ, такъ какъ это приближаетъ къ монастырскому быту, съ котораго скопированъ нашъ исконный семейный и общинный строй, насколько это возможно. Любовь простого народа къ монастырскому укладу жизни, гдѣ каждый работаетъ на общее благо общины, со строгимъ подчиненіемъ установленнымъ правиламъ, эта черта въ характерѣ рускаго народа подмѣчена и въ литературѣ, и первыми славянофилами, и современными писателями, напр., В. Немировичъ-Данченкомъ въ его повѣсти „Крестьянское царство", гдѣ описывается жизнь Валаамскаго монастыря.

При полномъ отрицаніи Церкви и духовенства въ своей теоріи, Л. Толстой раздѣляетъ благоговѣніе народа предъ аскетическимъ бытомъ лучшихъ монастырей и онъ находитъ большое удовольствіе говорить съ монахами. Какъ чисто русскій обыватель, Л. Толстой предпочиталъ ученымъ богословамъ именно тѣхъ монаховъ самоучекъ, которые своими личными подвигами достигали или дополняли познаніе законовъ внутренней борьбы со зломъ. Вотъ почему онъ любилъ Оптинскаго старца Амвросія, ходилъ нѣкоторое время по монастырямъ, исповѣдывался, словомъ старался дѣлать то же, что дѣлаетъ простой народъ въ своемъ стремленіи поучиться духовному добродѣланію. Но и въ этомъ Л. Толстой допустилъ крупную ошибку. Говѣніе, путешествіе по святымъ мѣстамъ и проч. дѣла подвига, предпринимаемаго русскимъ народомъ, полезны бываютъ для такихъ людей, у которыхъ предполагается уже твердо установившаяся религіозная убѣжденность. Для людей же колеблющихся, отвергающихъ основныя истины христіанства, эти средства будутъ непригодны, и необходимъ другой путь теоретическаго, научнаго разбора и доказательствъ въ тѣхъ коренныхъ богословскихъ вопросахъ, которые кажутся мыслителю темными и даже соблазнительными. На это весьма мѣтко указалъ Льву Николаевичу епископъ Исидоръ, посѣтившій его въ Москвѣ вскорѣ послѣ его отлученія На предложенное увѣщеваніе Толстой отвѣтилъ: „Я свои убѣжденія не выдумалъ, а провѣрялъ ихъ собственнымъ опытомъ, путешествуя по монастырямъ и причащаясь неоднократно". „И опытъ то былъ не удачный", замѣтилъ ему гость, „ибо причастіе не для сомнѣвающихся, а для вѣрующихъ. Помните, что было послѣ перваго причащенія съ однимъ изъ его участниковъ: „и по хлѣбѣ томъ вниде въ онь сатана".

Оставаясь въ этомъ случаѣ типичнымъ русскимъ бариномъ, Л. Толстой допускалъ только сверхъестественный, мистическій путь возвращенія вѣры въ свою душу, а пособія научныя не только отрицалъ, какъ и все научное богословіе, отождествляя его съ западной схоластикой, но договорился до такого абсурда, будто символъ вѣры не можетъ быть никсимъ образомъ согласованъ съ нагорной проповѣдью Спасителя. Какъ же тогда смотрѣть на жизнь преп. Антонія Великаго,

---

материнской жалобѣ—молитвѣ о сынѣ, забывая обо всемъ, тоскуя и плача, и горемъ своимъ „надоѣдая Богу", по выраженію о. Симеона, съ христіанской покорностью переносившаго свое родительское горе.

Пробила полночь... Мѣрный бой старинныхъ часовъ наполнилъ звуками весь маленькій домикъ священника. Матушка вздрогнула. Ей было жутко. Спать не хотѣлось, да и кромѣ того она знала, что наработавшаяся за день прислуга спитъ крѣпко и, пожалуй, не услышитъ, какъ будетъ стучаться батюшка. А его все не было. На дворѣ шумѣлъ осенній дождь, вѣтки жасмина, растревоженныя вѣтромъ, ударялись о стекла оконъ, заставляя вздрагивать нервную матушку. Наконецъ раздался стукъ въ двери. Вернулся о. Симеонъ.

— „Что такъ долго? Я уже совсѣмъ тутъ измучилась и разнервничалась",—стараять скрыть свою тоску, улыбнулась матушка и стала стягивать промокшую рясу съ о. Симеона.

— „Ну, какъ больная?" — поинтересовалась она. Батюшка вздохнулъ: „Умерла при мнѣ, въ сознаніи, исповѣдавшись и причастившись Св, Таинъ. Отходную прочелъ... Тихо умерла, просила мальчика устроить. Интеллигентная она, мужъ года два тому назадъ умеръ, одна вдовой осталась, слабая, непривыкшая къ труду, на фабрикѣ работала, пока силы были, да вотъ, заболѣла. умерла... Мальчикъ малый остался, некому взять его. Хозяйка совсѣмъ бѣдная.

— „Въ пріютъ",—говоритъ,—„развѣ отдать, примутъ ли?"... Спалъ онъ, какъ мать умерла, улыбался... И, знаешь, Колей его зовутъ, какъ нашего"...,—добавилъ грустно о. Симеонъ.

Матушка задумалась. Въ душѣ ея происходила борьба. Эгоизмъ осиротѣлой матери, не пускающей въ свой храмъ скорби никого изъ постороннихъ, уступалъ чувству жалости къ чужому осиротѣлому ребенку, называющемуся такъ, какъ звали ихъ умершаго сына.

— „Быть можетъ это воля Божія, а для насъ —счастье? Да, да! Мы должны пріютить сиротку!" —пронеслась въ головѣ матушки яркая мысль. И уже смѣло взглянувъ на мужа, сказала:

— „Возьмемъ этого Колю къ себѣ, Сима!" О. Симеонъ посмотрѣлъ на ея просвѣтленное лицо, взглянулъ на Ликъ Спасителя, озаренный зеленымъ, кроткимъ свѣтомъ лампадки. и тихо произнесъ: „Господь отнялъ,—Господь даетъ, — исполнимъ же Его святую волю. Возьмемъ сиротку къ себѣ!"

Матушка тихо плакала. Въ этихъ слезахъ была и смягченная, тихая скорбь по умершемъ сынѣ и благодарность Богу за посланную надежду на утѣшеніе въ лицѣ другого Коли.

* * *

Прошелъ мѣсяцъ, какъ маленькій темноглазый Коля поселился въ домикѣ о. Симеона. Дѣтскій смѣхъ наполнилъ скучныя комнаты, топотъ рѣзвыхъ ногъ спугнулъ мрачную тишину. Улыбался и шутилъ съ ребенкомъ сѣдой и добрый „дѣдушка", бѣгала, словно молоденькая, хлопоча по хозяйству, повеселѣвшая матушка.

Іоанна Златоустаго и другихъ безчисленныхъ проповѣдниковъ, положившихъ жизнь на защиту символа вѣры и явившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ міру великіе и не подражаемые на всѣ вѣка образцы добродѣтелей?

Но если въ теоретическихъ взглядахъ Толстого проглядываетъ страшная путаница, подъ вліяніемъ черствой философіи Шопенгауэра, то въ художественныхъ — она часто исчезаетъ и получается удивительное по яркости раскрытіе нравственной силы, заключающейся и въ церковныхъ вѣрованіяхъ, и въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ, давно отвергнутыхъ теоретичекою философіей Толстого: напротивъ, попытки автора провести идеи послѣдней въ художественый разсказъ терпятъ неудачу.

Въ разсказѣ „Хозяинъ и работникъ" послѣдній вспоминаетъ передъ смертію о св. Николаѣ, о свѣчахъ и молитвахъ, но затѣмъ соображаетъ, что все это нужно въ храмѣ, а здѣсь безполезно, и вотъ умиравшій начинаетъ утѣшать себя отвлеченными и очень не натуральными пантеистическими философемами. Есть-ли здѣсь художественная правда? Кто присутствовалъ при смерти умирающихъ, тотъ знаетъ, что различно проходятъ послѣднія минуты человѣка: или замѣтна напряженная борьба за земную жизнь и ужасъ приближающейся смерти, или замѣтна совершенная покорность страшной минутѣ, тихое умиленное настроеніе, которое чаще всего встрѣчается у натуръ религіозно-нравственныхъ. Но и тѣ, и другіе страдальцы особенно отчетливо сознаютъ въ эти послѣднія минуты свою индивидуальность, свою отвѣтственность. Никаного слiянiя съ космосомъ, которое старается навязать умершимъ нашъ писатель-пантеистъ вы никогда не увидите. И вотъ онъ какъ бы поневолѣ даетъ возможность ожившему работнику умереть, „какъ онъ всегда хотѣлъ—подъ образами со свѣчей въ рукахъ, среди молитвъ окружающихъ".

Что касается призыванія Николы угодника, его-то именно и призываютъ умирающіе на Руси до послѣдняго мгновенія своей жизни, и заступленію св. Николая вѣруютъ не только христіане, но и живущіе въ Россіи язычники и магометане. —Нарушая требованія художественной правды, когда ему хочется внести въ разсказъ пантеистическую тенденцію, Л. Толстой съ великимъ успѣхомъ ихъ выполняетъ, когда забываетъ объ этой тенденціи, въ какихъ случаяхъ изъ подъ его пера выступаетъ нравственная красота и нравственная сила церковныхъ вѣрованій и установленій.

Таковъ разсказъ: „Свѣчка", связанный съ праздникомъ воскресенія Христова. Нужно замѣтить вообще, что событіе Воскресенія Христова есть одна изъ сладостнѣйшихъ истинъ христіанства, безъ которой по выраженію Ап. Павла: „суетна наша вѣра, ибо если мы только въ этой жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣйшіе изъ людей". Толстой отрицаетъ историческое Воскресеніе Христово, пытается замѣнить его нравственнымъ воскресеніемъ каждой личности и въ этихъ мысляхъ составилъ „Воскресеніе". Однако здѣсь, вопреки желанію автора, получается трогательная картина пасхальной заутрени въ деревнѣ и вовсе не убѣдительная и не привлекательная картина внутренняго воскресенія Нехлюдова, который остался никудышникомъ, скучнымъ резонеромъ и притомъ довольно ограниченнымъ, безцвѣтнымъ типомъ. Критика (Перцова и др.) совершенно вѣрно заявила объ этомъ типѣ, что, при всемъ стараніи автора, Нехлюдовъ „такъ и

„Ты знаешь",—говорила она мужу,—я теперь только поняла, какъ я была не права, отдаваясь скорби и закрывая свое сердце предъ живыми людьми. Ни Богу, ни нашему мальчику не нужны были мои слезы и мое холодное горе. И Господь показалъ мнѣ, какъ нужно жить. И теперь, когда у меня есть смыслъ въ жизни, есть милое существо, требующее моей ласки и заботы,—я такъ счастлива! И я знаю, что нашъ Коля тамъ радуется о насъ"...

* * *

Наступило 5 декабря—канунъ колиныхъ именинъ. Съ утра поднялась метель и, когда вечеромъ, чуть слышно раздался заносимый вѣтромъ въ сторону благовѣстъ,—матушка, проводивъ о. Симеона и отпустивъ прислугу въ церковь, осталась къ Колей дома, не рѣшаясь въ такую погоду вести его въ церковь. Въ прошлые годы она всегда бывала въ этотъ день на всенощной, послѣ которой о. Симеонъ служилъ панихиду по сынѣ, а матушка горько плакала, не ощущая въ своей скорьби радости праздника, не видя красоты церковной, не замѣчая людей—ближнихъ. И когда въ этотъ вечеръ разстроенная, съ холоднымъ, ропщущимъ сердцемъ возвращалась съ грустнымъ и молчаливымъ мужемъ домой,—холодъ смерти, казалось, окружалъ ея душу, не пропуская туда ни одного радостнаго впечатлѣнія, ни одного свѣтлаго луча. Такъ было еще въ прошломъ году. А сейчасъ?! За окномъ завываетъ вьюга, но матушкѣ не жутко. По праздничному чисто и уютно въ комнатахъ, горятъ лампадки, въ домѣ тихо, но тишина эта не мрачная, а мирная, свѣтлая, такъ часто нарушаемая звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ. Въ ожиданіи о. Симеона матушка съ Колей сидя забравшись поглубже въ мягкое кресло. Глазенки Коли блестятъ...

„Бабушка, а какой былъ святой Николай? Онъ вѣрно былъ такой сѣдой и высокій, какъ дѣдушка?"—спрашиваетъ мальчикъ замолчавшую бабушку, какъ онъ всегда называетъ жену отца Симеона.

„Такъ ты же, милый, видѣлъ на иконѣ святителя Николая",—говоритъ она.

„Онъ не такой! Ты говорила, что онъ былъ добрый, а на иконѣ онъ сердитый",—разсуждаетъ мальчикъ, заставляя улыбнуться матушку.

„Видишь ли, онъ былъ добрый къ людямъ хорошимъ, къ дѣтямъ маленькимъ, а къ дурнымъ людямъ, къ разнымъ разбойникамъ былъ строгій, чтобы они испугались и исправились"... Коля внимательно слушаетъ разсказъ матушки о святителѣ Николаѣ, и предъ его мысленнымъ взоромъ выростаетъ ясно-ясно свѣтлый обликъ добраго Владыки, имя котораго онъ носитъ.

„Завтра, бабушка",—говоритъ онъ, „если не будетъ вьюги, пойдемъ въ церковь и помолимся ему, чтобъ онъ былъ къ намъ добренькій! Хорошо?"—лепечетъ мальчикъ. „А ты говорила, что у васъ тоже былъ мальчикъ Коля и что онъ умеръ, какъ моя мамочка, такъ завтра тоже будутъ его именины?"—спокойно спрашиваетъ Коля, такъ прямо, по дѣтски безцеремонно касаясь едва зажившей раны въ сердцѣ матушки.

Но она сейчасъ спокойна. Мрачное, тяжелое горе ушо куда-то. Въ душѣ ея тихая молитва и

не воскресъ".—Въ свободномъ отъ тенденціи разсказѣ: „Свѣчка", описывается, какъ одинъ управляющій заставилъ крѣпостныхъ крестьянъ пахать землю на святой недѣлѣ, а крестьяне, возмущенные такимъ распоряженіемъ, готовы были перейти къ бунту и дѣло грозило бы тяжелыми послѣдствіями. Но вотъ одинъ старикъ крестьянинъ нашелъ возможность совмѣстить и радостный праздникъ и обидную для праздника работу: онъ прилѣпилъ къ своей сохѣ зажженную свѣчку и началъ пахать съ пѣніемъ пасхальныхъ пѣснопѣній. Услышавъ это пѣніе, люди послѣдовали его примѣру и общая злоба смѣнилась радостнымъ умиленіемъ. И такъ, догматъ, обрядъ и церковная молитва показали свое нравственное воздѣйствіе на сердца людей въ искреннемъ, чуждомъ тенденціи разсказѣ автора.

Они показываютъ эту силу и въ томъ разсказѣ нашего писателя, гдѣ онъ хотѣлъ представить полную ненужность догматовъ. Авторъ описываетъ событіе, имѣвшее мѣсто въ жизни покойнаго митр. Иннокентія († 1879 г.), когда онъ былъ въ Аляскѣ.

Во время одного изъ своихъ миссіонерскихъ путешествій, Преосвященный встрѣтилъ на необитаемомъ островѣ троихъ христіанскихъ подвижниковъ—инородцевъ. Они не знали никакихъ догматовъ, ни молитвъ, а повторяли только одну, краткую: „Трое васъ, трое насъ, помилуй насъ". Епископъ узналъ о ихъ безпорочной жизни, похвалилъ ихъ и сталъ обучать ихъ догматамъ и молитвѣ Господней. Но они никакъ не могли запомнить мудреныхъ словъ и усваивали молитву съ великимъ трудомъ. Наконецъ, епископъ простился съ ними и отплылъ на пароходѣ. Вдругъ онъ видитъ, что они бѣгутъ за нимъ по водѣ: подвижники вошли на судно и просятъ повторить имъ молитву Господню, потому что они ее забыли. Епископъ, пораженный чудомъ этихъ простыхъ людей, отказался настаивать на обученіи и велѣлъ имъ всегда молиться своей немудрой молитвой, которою они достигли такихъ великихъ даровъ вѣры, ибо, когда подвижники снова повторили свою молитву, то лица ихъ озарились восторженнымъ благоговѣніемъ и слезами.

Откуда это благоговѣніе? спросимъ мы. Молитва странниковъ не чужда догмата: напротивъ обращаясь къ Тремъ Лицамъ во единомъ Существѣ („помилуй", а не „помилуйте"), она говоритъ о томъ, что Божественная сущность чужда той личной раздѣлительности, какая установлена грѣхомъ Адама въ нашей человѣческой жизни, и что задача христіанскаго подвига въ томъ и поставляется, чтобы многимъ раздѣльно существующимъ личностямъ, слиться въ одно существо единаго новаго человѣка. Этотъ главный догматъ христіанской религіи и составляетъ ту нравственную силу, которая соединяетъ всѣхъ во едино, и которая поддерживала нераздѣльную дружбу и чистоту тѣхъ трехъ инородцевъ („да будутъ едино, якоже и Мы". Іоан. 17, 11). Толстой называетъ себя христіаниномъ. На какомъ основаніи?

Что касается взгляда на личность І Христа и отношенія къ нему Толстого, то достаточно разъяснено имъ самимъ, хотя бы въ отвѣтѣ на постановленіе Св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви. Сознаваясь, что онъ дѣйствительно отрицалъ Божество І. Христа и всѣ догматы Церкви, какъ ненужные, онъ тѣмъ не менѣе не отвергаетъ нравственнаго закона, возвѣщеннаго Христомъ, и потому обвиненіе Церкви въ томъ, будто онъ отрекся Христа, какъ писатель, называ

умиленіе. Она уже не избѣгаетъ говорить о умершемъ сынѣ. Наоборотъ. Это ей пріятно. И внимательно слушающему Колѣ она разсказываетъ, какой былъ ея сынокъ, какъ онъ игралъ, какъ учился, какъ онъ всѣхъ любилъ и слушался... какъ онъ умеръ... умеръ!..

Тихія слезы выступаютъ на глаза матушки. „Бабушка, не плачь,"—проситъ Коля.—„Если онъ у Боженьки въ раю, такъ ему тамъ хорошо. Такъ мама мнѣ всегда говорила. И сама къ Боженькѣ ушла. И тамъ не будетъ работать, не будетъ такъ кашлять. Тамъ ангелы, поютъ такъ хорошо.. лучше еще чѣмъ въ церкви, и мамочка съ ними и твой мальчикъ... Правда, бабушка, развѣ ты этого не знала?!"

Дивныя дѣтскія слова!.. Какой небесной музыкой звучатъ онѣ для изстрадавшагося сердца осиротѣлой матери!

„Устами младенцевъ глаголетъ Господь",—думаетъ матушка.

„Да, милый, да! Господь не забудетъ тѣхъ, кто Его любилъ!"—увѣренно говоритъ матушка.—„А теперь помолится Ему о моемъ мальчикѣ Колѣ".

Когда возвратившійся со всенощной о. Симеонъ тихо вошелъ въ комнату, гдѣ оставилъ матушку съ Колей, — глазамъ его представилась умилительная картина. Предъ сіяющими въ свѣтѣ лампадокъ образами на колѣняхъ стояли матушка и маленькій, съ дѣтскимъ стараньемъ отбивающій поклоны, Коля. Матушка съ прижатыми къ груди руками стояла въ молчаливой молитвѣ, а Коля, тономъ, какимъ обыкновенно просилъ бабушку дать ему конфетку,— обращался къ Богу съ простой, наивной молитвой: „Боженька, сдѣлай такъ, чтобъ мальчику Колѣ было у тебя въ раю весело весело... и чтобы бабушка больше не плакала о немъ! Сдѣлай такъ, и я тебя буду очень любить и въ церкви буду долго стоять и бабушку съ дѣдушкой слушать"...

Полъ скрипнулъ подъ ногой о. Симеона Коля моментально обернулся и вскочилъ на ноги, заставивъ вздрогнуть и подняться съ колѣнъ матушку.

„Дѣдушка пришелъ!"—обрадовался мальчикъ, подбѣгая къ о Симеону. „А я, дѣдушка, молился",—сообщилъ онъ и сейчасъ же перескочилъ на другую тему. „А я завтра буду съ Антошкой съ горы на санкахъ кататься, дѣдушка... съ большой, большой, горы. Полетимъ быстро, прямо въ снѣгъ," — захлебывается онъ отъ удовольствія, по дѣтски весело хохочетъ.

Звонкій голосокъ разносится по комнатамъ. Улыбается повеселѣвшій дѣдушка, о. Симеонъ, слушая съ вниманіемъ дѣтскую болтовню... И гладитъ ласково чёрную головенку. Матушка смотритъ, любуется и свѣтлой радостью озаряется ея лицо.

Жизнь ея получила смыслъ. Призракъ смерти и одиночества заслоненъ маленькой дѣтской фигуркой, внесшей счастіе въ мрачный тихій домъ. „Боже, благодарю Тебя!"—шепчетъ растроганно матушка, отдаваясь новой радости, такъ нежданно озарившейся ея жизнь...

етъ клеветой. Правда, сознается онъ дальше, что отрицаетъ взглядъ на І. Христа, какъ на Искупителя, и смотритъ на Него только, какъ на Великаго Человѣка. Онъ Его ставитъ на одну линію съ Буддой, Конфуціемъ, Сократомъ, Шопенгауэромъ и др. учителями жизни. Самая идея прогресса требуетъ предположенія, что современемъ можетъ появиться ученіе болѣе высокое, чѣмъ Христа. „Можетъ быть и я самъ могу быть выше Его", прибавляетъ Толстой. Однако такое свободное и даже высокомѣрное отношеніе къ личности Христа значительно не сходится съ другими изреченіями Толстого, когда онъ готовъ бываетъ ссылаться на Христово слово, какъ на безусловный авторитетъ, высшій всѣхъ доводовъ разума, напр.,—своеобразно понятыя писателемъ слова о непротивленіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ пунктѣ Толстой не былъ искрененъ. Иногда ему хотѣлось казаться чистымъ раціоналистомъ, иногда вѣрующимъ во что-то, и даже во Христа, какъ носителя безусловной правды. Вообще же нашъ писатель не прочь былъ иногда вводить въ заблужденіе своихъ собесѣдниковъ касательно своихъ убѣжденій. Такъ, напр., онъ говорилъ, что онъ молится и молитву считаетъ однимъ изъ необходимыхъ средствъ самосовершенствованія. Но молитва, по его ученію, не есть просьба, ни обращеніе къ живому существу, которое можетъ слышать, а только сосредоточенное напоминаніе себѣ самому своихъ нравственныхъ правилъ. Конечно, и такое упражненіе лучше, чѣмъ ничего, но нашъ писатель отлично понималъ, что его посѣтители совсѣмъ другое рузумѣютъ, когда онъ на время уединяется отъ нихъ для того, „чтобы помолиться". Такой же неискренній характеръ имѣетъ со стороны Толстого наименованіе себя христіаниномъ—по своему теоретическому ученію. Обыкновенно, подобные скептики называютъ себя послѣдователями Христа, какъ нравоучителя, и въ этомъ смыслѣ христіанами. Но отрицая Божество Христово, они должны девять десятыхъ Его рѣчей признать обманомъ или самообманомъ: напр., предсказаніе о Страшномъ Судѣ, заявленіе права на прощеніе грѣховъ, всѣ Его слова объ искупленіи и т. п., а считать обманщика высшимъ наставникомъ никто не можетъ.

Толстой старается, хоть отчасти, ослабить такой печальный выводъ невѣрующихъ толкователей объ Іисусѣ Христѣ посредствомъ самыхъ искуственныхъ и не искреннихъ пріемовъ толкованія. Такъ, онъ старается убѣждать читателя, будто подъ Сыномъ Человѣческимъ Спаситель разумѣлъ вовсе не Себя, а тотъ всемірный прогрессъ, то разумное начало, развивающееся въ поколѣніяхъ, котораго Онъ является представителемъ, т. е. однимъ изъ представителей. Между тѣмъ, какъ совмѣстить подобное нелѣпое толкованіе съ вопросомъ І. Христа ученикамъ: „Кого Мя нарицаютъ человѣцы быти, Сына Человѣческаго суща" (Мѳ. 16)?—Толстому по сердцу возгласъ Спасителя, призывающаго къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ: скажите, какой смыслъ сохранили бы для насъ эти слова, обращенныя къ поколѣніямъ, если бы Спаситель не воскресъ, или угроза лжепророкамъ, которымъ не поможетъ въ день Страшнаго Суда самооправданіе предъ Спасителемъ: „Господи, Господи, не Твоимъ ли именемъ пророчествовахомъ?" Какой тогда смыслъ сохранили бы ублаженія Спасителемъ претерпѣвающихъ злорѣчіе за исповѣданіе имени Христова въ этой жизни? Вотъ почему Ренанъ былъ послѣдовательнѣе, когда называлъ Христа самообольщенной натурой, самолюбивымъ, любившимъ почетъ и не терпѣвшимъ противорѣчія догматовъ, способнымъ даже на шантажъ въ родѣ запрятыванія живого Лазаря въ могилу для внушенія простодушному народу вѣры въ свою воскрешающую силу.

Какъ извѣстно, все нравственное ученіе Евангелія Толстой сводитъ къ слѣдующимъ 5 заповѣдямъ: 1) не воевать, 2) не судиться, 3) соблюдать цѣломудріе, 4) не божиться и 5) не противиться злу. Не правда-ли, какая сухая малосодержательная и жалкая мораль? Представимъ такой случай: деревенскій парень рано женился на красивой и хорошей дѣвушкѣ. По семейному положенію онъ освободился отъ военной службы. Онъ не имѣлъ никакихъ судебныхъ дѣлъ, не привыкъ божиться, и живетъ своимъ трудомъ. Съ точки зрѣнія Толстовской этики этотъ малый представляетъ собою верхъ совершенства, потому что выполняетъ всѣ его заповѣди. И если бы онъ пошелъ къ нашему писателю и сказалъ: научи меня сдѣлаться лучше; люди говорятъ, что я завистливъ, скупъ, жестокосерденъ, сплетникъ, пьяница и грубіянъ,—то Толстой, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ бы былъ ему отвѣтить—никого не слушай, ты исполнилъ весь законъ Евангелія и улучшаться тебѣ не въ чемъ; ты выше Апостола Павла или Василія Великаго, которые признавали клятву, государственную самозащиту и судъ.—Правда, въ другихъ своихъ произведеніяхъ, повѣстяхъ и романахъ, нашъ писатель оставляетъ свою выдуманную мораль и начертываетъ обществу нравственныя цѣли гораздо высшія, чѣмъ тѣ правила, коими руководится средній свѣтскій человѣкъ: онъ возстановляетъ совершенство русскаго народнаго духа и доказываетъ превосходство послѣдняго съ его идеалами самоотверженія, цѣломудрія, самоограниченія, но только прикрываетъ грубую чувственность и узкое себялюбіе красивыми формами.

При такомъ возвышеніи жизненныхъ правилъ въ художественныхъ произведеніяхъ Толстого надъ общественною моралью остается съ перваго взгляда совершенно не понятнымъ: какая же преграда отдѣляла его отъ живаго, историческаго, русскаго христіанства.

Почему при всемъ стремленіи къ истинѣ Толстой не могъ слиться съ ученіемъ Церкви?

Ему недоставало пониманія и признанія самой главной добродѣтели, которая дѣлаетъ человѣка послѣдователемъ Христа, той добродѣтели, которая Спасителемъ ставится въ основаніе всего пути совершенства; это нищета духовная, иначе смиренномудріе, борьба съ гордостію. Какъ и большинство лжепророковъ, Толстой просмотрѣлъ эту заповѣдь, потому что смолоду былъ далекъ отъ спасительнаго руководства Церкви. Истинные же послѣдователи Христа знаютъ, что, если даже вѣрующіе подвижники думаютъ обойтись безъ этой добродѣтели, то впадаютъ въ самообольщеніе или прелесть и губятъ свой подвигъ. Иногда имъ удается сдѣлаться великими постниками, постоянными благотворителями, но безъ смиренія такимъ подвижникамъ невозможно достигнуть нравственной гармоніи: имъ всегда будетъ недоставать той мягкости, той теплоты духа, той уравновѣшенности и мира душевнаго, какія отличаютъ церковнаго подвижника отъ самочиннаго. Опытные въ духовной жизни старцы говорятъ, что лучше совсѣмъ не знать никакихъ подвиговъ, оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ поставила тебя жизнь, нежели, ревнуя о высшемъ

совершенствѣ, просмотрѣть первую заповѣдь блаженства; Л. Толстой пропустилъ ее и въ теоріи, и на практикѣ. Совершенно произвольно онъ подставилъ въ мѣсто духовной нищеты тѣлесную и нигдѣ не говорить о смиренномудріи. Въ самой жизни Толстого было много такихъ обстоятельствъ, которыя еще болѣе содѣйствовали развитію необычайной его гордости. Принадлежа по рожденію къ аристократическому сословію, имѣя несомнѣнно большой талантъ литературный, принимая со всѣхъ сторонъ поклоненіе, Толстой еще съ молоду мечталъ превзойти всѣхъ знаменитостей міра, въ чемъ самъ сознается, и отъ этой мечты не отказался до старости: силился поправить Христа и Его ученіе. Вотъ почему онъ и лишился уравновѣшенности и простоты душевной; вотъ почему, подводя своихъ героевъ къ нравственному возрожденію, онъ ихъ никогда не могъ ввести въ послѣднее. Потому и Левинъ остановился на его порогѣ; потому и Нехлюдовъ не воскресъ, потому же и самъ Толстой, стоя при дверяхъ смерти, стоялъ только при дверяхъ учителей покаянія св. обители, но войти къ нимъ не могъ и умеръ, не примиренный съ Богомъ.

Могла-ли утѣшиться его душа вкушеніемъ человѣческой славы, столь бурными проявлениями покрывшей его погребеніе? Увы, это внѣшнее преклоненіе было скорѣе оскорбленіемъ поэту, нежели честью. Оно имѣло характеръ всецѣло оппозиціонный и революціонный; между тѣмъ Толстой революціи и конституціи не сочувствовалъ, а на первую горячо негодовалъ. Но даже независимо отъ сего, что можетъ быть обиднѣе, когда насъ хвалятъ только для того, чтобы оскорбить другихъ? А если мы вспомнимъ, что эту погребальную буффонаду исполняли тѣ самые элементы общества, которые 5 лѣтъ тому назадъ кричали и печатали о немъ, какъ о сумашедшемъ старикѣ, какъ о дворянской ветоши, на которую нечего обращать вниманія, то, судите сами, чѣмъ отличается теперешнее его возвышеніе отъ того, когда заброшенную подушку и сношенную одежду поднимаютъ на высокій шестъ и ставятъ въ огородѣ въ качествѣ пугала для воронъ? Нашъ писатель воспроизвелъ сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ: мало показалось старухѣ быть дворянкой и царицей, захотѣла быть богиней, и осталась безъ царства и дворянства при одномъ разбитомъ корытѣ. Надъ обыкновеннымъ покойникомъ возносятся теплыя, участливыя молитвы его ближнихъ, а здѣсь въ пышныхъ тостахъ демонстрантовъ по разнымъ городамъ никто о душѣ умершаго и не думалъ, а всѣ злорадствовали надъ Церковью и надъ нами-попами. И только сами представители Церкви, которыхъ умершій очернялъ незаслуженными клеветами, простирали къ нему слова ученія, но слова эти и телеграммы не дошли до его слуха, ни до его послѣдняго дома, загражденнаго окружавшими его злыми геніями, думавшими только о томъ, какъ бы не допустить умирающаго до примиренія съ Церковью. Нѣкоторыя духовныя лица ходатайствовали о разрѣшеніи проводить его въ могилу со священникомъ при пѣніи: „Святый Боже", какъ это дѣлается въ отношеніи иновѣрцевъ, не имѣющихъ вблизи своего духовенства, но едва-ли бы это было допущено окружающими, и потому Св. Синодъ такого ходатайства не удовлетворилъ.

Впрочемъ, тѣ христіане, которые сохранили въ душѣ своей состраданіе въ погибавшей душѣ, могутъ молиться и за нее наединѣ, какъ указалъ преп. Өеодоръ Студитъ одному даікону, котораго отецъ умеръ грѣшникомъ, отлученнымъ отъ Церкви. Во храмѣ возносится молитва только за искупленныхъ Христомъ чадъ Церкви, а личное молитвенное дерзновеніе не знаетъ для себя никакихъ преградъ, как научили насъ св. отцы: Өеодоръ, Макарій Великій, Исаакъ Сиринъ и другіе.

ЕПИСКОПЪ АЛЕКСІЙ.

Посѣщеніе

ЕГО БЛАЖЕНСТВОМЪ БЛАЖЕННѢЙШИМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ ДІОНИСІЕМЪ

Святыхъ Православныхъ Автокефальныхъ Восточныхъ Церквей*).

Въ первые же дни христіанства между жителями Яффы было уже нѣкоторое количество вѣрующихъ, ибо здѣсь совершилось уже величайшее чудо — воскрешеніе св. Апостоломъ Петромъ благочестивой Тавиөы (Дѣян. IX, 36—43). Здѣсь же, въ домѣ Симона кожевника св. Петръ имѣлъ предъ крещеніемъ Корнилія сотника чудное видѣніе сосуда, полнаго звѣрей, гадовъ и пресмыкающихся и знаменовавшаго призваніе въ Церковь Христову язычниковъ (Дѣян. X, 9—20). Императоръ Веспасіанъ разрушилъ Яффу до основанія, но вскорѣ городъ былъ возстановленъ и въ царствованіе Константина Великаго имѣлъ уже своего епископа. Съ завоеваніемъ Яффы арабами, большинство жителей ея стало магометанами. Со второй половины XVII вѣка Яффа представляетъ изъ себя ворота въ Св. Землю для паломниковъ.

Въ Яффѣ имѣется греческій монастырь св. Георгія, возвышающійся террасами надъ Яффскою пристанью и обладающій очень красивымъ храмомъ, украшеннымъ древними мраморными колоннами. На мѣстѣ дома Симона кожевника, гдѣ было чудное видѣніе св. Ап. Петру, съ самаго начала христіанства воздвигались православные храмы, но нынѣ тамъ мусульманская молельня, съ крыши которой открывается прекрасный видъ на море и горы Іудейскія. Такой видъ представлялся, конечно, и св. Петру, когда онъ выходилъ на верхъ молиться. Мѣсто, гдѣ св. Петръ воскресилъ исполненную благихъ дѣлъ и милостынь Тавиөу, было пріобрѣтено русскимъ архим. Антониномъ Капустинымъ для постройки церкви во имя св. Тавиөы (память ея 25 октября). Здѣсь, среди роскошнаго сада, былъ устроенъ для русскихъ богомольцевъ странноріимный домъ. Тутъ и въ настоящее время живетъ русскій архимандритъ.

Мы не съѣзжали на берегъ, ибо сильное морское волненіе дѣлаетъ это крайне затруднительнымъ. Вслѣдствіе подводныхъ камней Яффская гавань недоступна для большихъ пароходовъ, которые останавливаются въ открытомъ морѣ за нѣсколько верстъ отъ города. Но послѣдній виденъ съ парохода великолѣпно, и мы вдосталь любовались красавицей Яффой и прекрасными садами вокругъ города. Богатство растительности и производительность почвы здѣсь воочію свидѣтельствуютъ объ обиліи земныхъ благъ, которыми полна была нѣкогда вся земля обѣтованная. Здѣсь родина апельсинъ, которые наполняютъ Яффскіе сады и весьма рано поспѣваютъ тутъ. Имѣются

*) См. „Воскресное Чтеніе" № 1—50 за 1928 годъ, № 2 за 1929 г.

въ этихъ садахъ и финиковыя пальмы, и сахарный тростникъ, и множество другихъ плодовыхъ деревьевъ.

Но долго смотрѣть на Яффу и любоваться ею не пришлось, ибо наше вниманіе всецѣло заняло другое весьма любопытное, но жуткое зрѣлище — посадка пассажировъ на пароходъ. Это зрѣлище было для насъ доселѣ невиданнымъ и исключительнымъ, такъ какъ происходило въ открытомъ морѣ. Какъ нѣкая крѣпость, стоялъ неподвижно нашъ великанъ-пароходъ, а къ нему безпрерывно подъѣзжали лодки съ пассажирами, преимущественно евреями, не нашедшими своего счастья на землѣ праотцевъ и возвращающимися въ Америку, Россію, Польшу и Румынію со своими семьями и скарбомъ. Подъѣзжали съ 8 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, но наблюдать не было скучно, ибо каждая новая лодка подвозила новыхъ людей на пароходъ. Описать почти невозможно, что творится въ Яффѣ при водвореніи на пароходъ, а надо все это видѣть. Обыкновенно, подъѣзжающая лодка, имѣющая десятка два людей, добрыхъ полчаса борется съ волнами, пока подойдетъ къ пароходу. Ведутъ эту лодку три-четыре араба. Пассажиры какіе-то вялые всѣ, почти разслабленные. Въ каждой лодкѣ можно наблюдать двухъ-трехъ женщинъ, склонившихся изъ лодки надъ водой: бѣдныя, уже по пути къ пароходу онѣ заболѣли морской болѣзнью и забыли все, даже дѣтей своихъ, которыя плачутъ. Но вотъ лодка коййкакъ причалила къ пароходному трапу, и тутъ начинается нѣчто страшное и жуткое: одинъ сильный арабъ удерживаетъ лодку, другой становится на трапъ, третій поднимается этажемъ выше, а четвертый буквально начинаетъ выбрасывать изъ лодки пассажировъ, которые въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ сами распоряжаться собой. Люди летаютъ, какъ мячики, передаваемые однимъ арабомъ другому, и только дивишься, какъ они не падаютъ въ море, а также удивляешься силѣ и ловкости дюжихъ арабовъ, которые, кстати, всѣ почти говорятъ по-русски. Водворенные такимъ образомъ на пароходъ люди долго не могутъ придти въ себя, а нѣкоторые прямо ложатся на палубу и начинаютъ страдать морскою болѣзнью. Съѣздилъ на берегъ и нашъ г. Боровскій, который также испыталъ всѣ прелести водворенія на пароходъ. Вслѣдъ за пассажирами арабы весьма ловко подаютъ на пароходъ и багажъ ихъ: они привязываютъ вещи къ ремнямъ и быстро доставляютъ ихъ, куда слѣдуетъ.

Часамъ къ 4-мъ погрузка пассажировъ кончилась, и стали подвозить багажъ безъ пассажировъ. Тутъ были и наши вещи, сданныя еще въ Іерусалимѣ. Долго не видя ихъ, мы весьма волновались за судьбу нашихъ чемодановъ, заключавшихъ въ себѣ много предметовъ и памятокъ, пріобрѣтенныхъ въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ, Константинополѣ и Аѳинахъ. Но прибылъ г. Боровскій и успокоилъ насъ заявленіемъ, что эти вещи цѣлы и скоро прибудутъ. Такъ оно и было..

Ровно въ 4 часа дня нашъ пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь, чтобы плыть безъ остановокъ до самой Констанцы, гдѣ онъ долженъ былъ быть только черезъ четыре дня—6-го мая утромъ. Не отрываясь, смотрѣли мы на Яффу, а потомъ на всю Св. Землю, пока она не скрылась изъ вида совершенно. Мгновенно вспомнилось все, что мы видѣли, слышали и перенесли на Св. Землѣ, и мы, перекрестившись на мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться Іерусалимъ съ его святынями, воскликнули: прощай, Св. Земля, теперь, вѣроятно, уже навсегда! Стало грустно... Надвигались сумерки, и позвали ужинать, а затѣмъ... крѣпкій сонъ, восполняющій недостатокъ его въ прошлую ночь.

3 мая. Весь день спокойно плыли по Средиземному морю, вдыхая полной грудью чистый морской воздухъ. Стояла дивная погода, и съ палубы мы уходили только для ѣды и сна, немножко и почитывали. Вечеромъ вошли въ столовую, садимся на свои мѣста, въ углу—неподалеку отъ выхода, и глазамъ своимъ не вѣримъ: французская администрація парохода соорудила на столѣ польскіе флаги. Какое вниманіе и предупредительность! Франція даже на пароходахъ своихъ не забываетъ національнаго праздника своей союзницы—Польши. Г. Боровскій расчувствовался больше всѣхъ и заказалъ шампанское. Преосвященный Алексій произнесъ соотвѣтственный тостъ, всѣ дружно и согласно выпили по бокалу за процвѣтаніе Польши, и съ этого времени мы не чувствовали уже себя чужими на „Азіи".

Ночью прошли мимо острововъ Родоса и Коса, затѣмъ весь день 4-го мая опять спокойно плыли по Архипелагу мимо постоянно попадавшихся навстрѣчу острововъ. Вѣроятно, тутъ были Самосъ, Хіосъ, Лесбосъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи Патмосъ.

5 мая, въ 12 ½ час. дня, „Азія" подплыла къ Константинополю и вошла въ Босфоръ, замедливъ ходъ, но не останавливаясь. Мы имѣли возможность еще разъ взглянуть на Царьградъ, такой роскошный съ парохода, св. Софію и вспомнить пережитое здѣсь. Пріятно было, что отнынѣ будемъ имѣть представленіе обо всемъ Босфорѣ. отъ Пропонтиды до Чернаго моря. Въ концѣ Босфора пароходъ нашъ чуть пріостановился, сдалъ почту и плавно вошелъ въ Черное море. Какъ разъ небо заволокло тучами, и мы весьма боялись, что ночью насъ изрядно покачаетъ. Но Богъ миловалъ: и эта послѣдняя ночь на морѣ прошла вполнѣ благополучно. Утромъ 6-го мая мы были уже въ Констанцѣ—на сушѣ.

Порядки въ Румыніи, видимо, не шуточные, и намъ, можетъ быть, пришлось бы долго сидѣть на пароходѣ и выдерживать своего рода карантинъ, но помогъ румынскій посолъ въ Бѣлградѣ. По просьбѣ г. Стшембоша, румынскій посолъ въ Сербіи сообщилъ о нашемъ прибытіи констанцкимъ властямъ, и мы освободились раньше всѣхъ отъ тоскливаго ожиданія на пароходѣ. Констанца—небольшой, но весьма чистенькій и красивый городокъ, которому, несомнѣнно, предстоитъ будущность и развитіе, въ виду его приморскаго положенія, а также близости курорта, на коемъ и въ день нашего пребыванія въ Констанцѣ пребывалъ румынскій король Фердинандъ, нынѣ покойный.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Церковное обозрѣніе.

Какъ и во всѣ послѣдніе годы, Рождественскіе праздники сопровождались въ этомъ году въ совѣтской Россіи усиленной антирелигіозной пропагандой. Но несмотря на эту пропаганду, по свидѣтельству совѣтской печати, населеніе Россіи отнеслось къ празднованію Рождества Христова такъ же, какъ и во всѣ предшествовавшіе годы, т. е. съ подобающимъ уваженіемъ къ церковному празднику. Совѣтская печать сообщаетъ, что на Рождество по новому стилю большинство церквей въ Петроградѣ и Москвѣ было закрыто, а въ нѣкоторыхъ храмахъ совершались обычныя, не Рождественскія службы. Относится это какъ къ православнымъ, такъ и къ обновленческимъ храмамъ, причемъ, по словамъ „Красной Газеты", обновленцы усиленно заботились о томъ, чтобы не совершать въ дни Рождества по новому стилю никакихъ

службъ, дабы не нарушать преобладающаго въ Россіи непріязненнаго отношенія къ новому стилю.

Кромѣ антирелигіозной пропаганды, праздникъ Рождества Христова былъ, однако, омраченъ въ Россіи свѣдѣніями о новыхъ гоненіяхъ на Церковь. Такъ въ Петроградѣ большевики рѣшили уничтожить храмъ Благовѣщенія на Конногвардейскомъ бульварѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что храмъ этотъ якобы мѣшаетъ уличному движенію. Свѣдѣнія объ аналогичномъ преслѣдованіи Церкви и закрытіи многихъ православныхъ храмовъ получены и изъ различныхъ мѣстностей русской провинціи.

Этимъ свѣдѣніямъ отрадно противопоставить данныя, сообщаемыя парижской газетой „Россія и Славянство“. Газета эта передаетъ содержаніе образца выходящей въ совѣтской Россіи церковной литературы „Православнаго Календаря на 1929 годъ“, изданнаго въ глухомъ сѣверо-восточномъ углу — городѣ Уфѣ. Вотъ что газета разсказываетъ объ этомъ изданіи:

Это—небольшая тетрадка, на подобіе тѣхъ календарей, которые нѣкогда широкимъ потокомъ текли по Россіи. Внѣшнее обличіе его ничѣмъ не оскорбляетъ; напротивъ, оно радуетъ и утѣшаетъ всякаго вѣрующаго. На обложкѣ воспроизведено изображеніе храма Василія Блаженнаго и на протяженіи всѣхъ границъ своихъ—надъ и подъ каждой страницей — онъ украшенъ, словно обрамленъ, текстами изъ Священнаго Писанія и святоотеческой литературы. При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ нимъ, сразу постигаешь, что онъ овѣянъ духомъ Православной Церкви.

По своему внутреннему строенію этотъ календарь близокъ къ прежнимъ, обычнымъ нашимъ календарямъ.

На обложкѣ этой книги-календаря мы читаемъ традиціонное:

— Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи...

И дальше, по обѣимъ сторонамъ изображенія храма Василія Блаженнаго, помѣщены тексты изъ Священнаго Писанія.

Длинный рядъ дальнѣйшихъ цитатъ, напечатанныхъ надъ и подъ каждой страницей календаря, начинается призывомъ изъ Евангелія отъ Іоанна:

— Да будутъ всѣ едино...

— Только въ Богѣ и успокаивается душа моя, отъ Него спасеніе мое...

— Обратитесь ко Мнѣ и Я обращусь къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѳъ... Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу...

Этотъ рядъ цитатъ какъ бы направляетъ душу, теряющуюся въ безднахъ злосчастія, и указуетъ ей путь, ставъ на который возможно достичь утѣшенія и успокоенія...

И такимъ же утѣшеніемъ всѣмъ, обремененнымъ утратами и бѣдствіями, которыхъ такъ неизбывно много досталось на долю Россіи, звучатъ воспроизводимыя здѣсь же смиренныя слова многострадальнаго Іова: „Господь далъ, Господь и взялъ, да будетъ Имя Господа благословенно...“ — Или изъ Евангелія отъ Луки—ободряющее всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ проникновенное слово: „Кто изъ васъ меньше всѣхъ, тотъ будетъ великъ“.

Этотъ послѣдній текстъ приведенъ надъ октябремъ мѣсяцемъ и напечатанъ жирнымъ шрифтомъ.

Противостояніе воинствующему безбожію, безбожному большевизму и комсомольству насквозь пронизываетъ страницы календаря.

Догмѣ безбожія противопоставляется догма Христа, царству атеизма—царство Божіе.

Вѣра и возможность насажденія „земного рая“, вѣра во всемогущество человѣка на землѣ также сдѣлана предметомъ особаго опроверженія въ этихъ текстахъ.

Но эти призывы къ небу вовсе не означаютъ отрѣшенія отъ всего земного, уходъ изъ міра, успокоеніе на пассивности, бездѣятельномъ созерцаніи. Замѣчательной чертой этого уфимскаго календаря является, наоборотъ, чрезвычайное вниманіе къ общественной, соціальной жизни вѣрующаго. Здѣсь повелительно развернута цѣлая соціальная программа христіанства. „Любовь“ и „добро“—вотъ два велѣнія, которыя властно звучатъ въ этой книгѣ.

Любовь къ ближнему противостоитъ здѣсь тому человѣконенавистничеству, которое насильственно утверждается въ нашей русской жизни воинствующимъ коммунизмомъ.

Цѣлый рядъ текстовъ призываетъ къ твердому стоянію за правду Божію, вплоть до мученичества, зоветъ къ подвигу и страстотерпчеству.

Много, наконецъ, въ календарѣ находится текстовъ, призывающихъ вѣрныхъ къ церковному строительству, неустанной церковной работѣ и несенію отвѣтственности за дѣятельность подъ сѣнью Церкви.

Политическое обозрѣніе.

Обращеніе совѣтскаго правительства къ Польшѣ является, несомнѣнно, симптоматичнымъ для кремлевскихъ настроеній. Было-бы ошибочно объяснять этотъ шагъ однимъ только желаніемъ большевиковъ демонстрировать свое миролюбіе передъ международнымъ общественнымъ мнѣніемъ и „изобличить“ польское правительство, если бы послѣднее не согласилось на данное предложеніе. Нѣкоторый элементъ такой игры, вѣроятно, тутъ есть. Совѣтское правительство предлагаетъ Польшѣ объявить пактъ Келлога вступившимъ въ силу между СССР и Польшей,— не ожидая его ратификаціи всѣми основными участниками договора, что является условіемъ вступленія въ дѣйствіе этого коллективнаго договора, какъ таковаго. Нужно замѣтить, что такое спеціальное соглашеніе данныхъ двухъ государствъ привело-бы къ измѣненію юридическаго и политическаго значенія пакта,—по крайней мѣрѣ на время между этимъ спеціальнымъ соглашеніемъ и общимъ вступленіемъ пакта въ силу. Пактъ обязываетъ участниковъ воздерживаться отъ войны по отношенію другъ къ другу. Нарушеніе его со стороны кого-либо изъ участниковъ освобождаетъ остальныхъ отъ того же обязательства по отношенію къ нападавшей сторонѣ. Соглашеніе между СССР и Польшей до присоединенія другихъ державъ могло бы быть истолковано въ томъ смыслѣ, что налагало бы на каждую сторону обязанность нейтралитета, въ случаѣ столкновенія другой стороны съ третьей державой. Правда, совѣтская власть, судя по тексту ноты Литвинова,—уже предложила или имѣетъ въ виду предложить такое же соглашеніе еще Литвѣ. Такимъ образомъ, между этими тремя государствами создался бы какъ бы особый кругъ юридическихъ отношеній, заключающихся во взаимной обязанности воздержаться отъ войны,—причемъ нарушеніе этого обязательства однимъ изъ государствъ по отношенію къ другому освобождало бы отъ этого обязательства и третьяго участника. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ тактикѣ совѣтскаго правительства, стремящагося играть роль охранителя Литвы отъ покушеній, которыя оно приписываетъ Польшѣ. Ограниченіе соглашенія данными тремя государствами мотивируется въ нотѣ тѣмъ, что Латвія, Эстонія, и Финляндія еще не присоединились къ

пакту Келлога. О Румыніи,—съ которой Польша находится въ оборонительномъ соглашеніи,—вовсе не упоминается, очевидно, въ виду того, что между СССР и Румыніей вообще нѣтъ дипломатическихъ отношеній. Кроется ли за этимъ нѣкоторый планъ „поймать" Польшу? Если бы это было такъ, то совѣтское правительство въ извѣстномъ смыслѣ посадило бы въ западню не только Польшу, но и самого себя. Если предлагаемое Москвой соглашеніе можетъ имѣть тотъ смыслъ, что на Польшу налагалась бы обязанность нейтралитета въ случаѣ столкновенія между СССР и Румыніей,—то тѣмъ самымъ и СССР лишился бы права вмѣшаться въ конфликтъ между Польшей и Германіей, о которой въ нотѣ Литвинова также вовсе не упоминается. А съ момента общаго вступленія въ силу пакта Келлога участниками его окажутся и Германія и Румынія,—и спеціальное польско-совѣтское соглашеніе вообще потеряетъ всякое значеніе.

Эти соображенія указываютъ на то, что главный мотивъ шага совѣтскаго правительства нужно искать въ иной области. Этотъ шагъ, какъ и всѣ послѣднія выступленія большевиковъ, болѣе разсчитанъ на внутренне-русскія, чѣмъ на международныя настроенія. Урокъ, полученный большевиками въ то время, когда они попытались сыграть на военной паникѣ,—не забытъ. Они хорошо запомнили, что разговоры объ опасности войны были поняты массой русскаго населенія въ томъ смыслѣ, что они, большевики, собираются съ кѣмъ-то воевать. И съ тѣхъ поръ принимаются отчаянныя мѣры съ цѣлью доказать русскому народу, что совѣтская власть не хочетъ войны и дѣлаетъ все, чтобы ее избѣгнуть. Правда, одновременно съ этимъ, какъ мы неоднократно указывали, въ сталинскомъ окруженіи существуетъ подленькая мысль о томъ, что война, если бы она какъ нибудь произошла, могла бы послужить выходомъ изъ внутреннихъ затрудненій. Но во всякомъ случаѣ нельзя допускать, чтобы подозрѣнія объ этихъ вожделѣніяхъ проникли въ народныя массы. Отсюда такая, съ международно-политической точки зрѣнія нелѣпая демонстрація, какъ литвиновскій проектъ о разоруженіи. Провалъ этого предложенія былъ, конечно, заранѣе учтенъ. Заранѣе же было ясно, что европейская дипломатія и печать сумѣютъ вскрыть недобросовѣстность и безсодержательность этого плана,—и совѣтская власть не пріобрѣтетъ такимъ путемъ „капитала" у „международнаго пролетаріата". Но не этотъ пролетаріатъ былъ истиннымъ адресатомъ литвиновской демагогіи; имъ былъ русскій народъ, которому нужно было показать, до какой степени миролюбиво совѣтское правительство: вѣдь оно предлагаетъ уничтожить всѣ безъ исключенія вооруженныя силы!—и какъ „капиталистическія державы" мѣшаютъ осуществленію этихъ благодѣтельныхъ плановъ. Отсюда же попытка Чичерина сыграть на пактѣ Келлога, путемъ требованія, чтобы СССР былъ привлеченъ къ обсужденію этого пакта, съ цѣлью „разоблаченія" воинственныхъ плановъ „капиталистовъ" и предложенія „дѣйствительныхъ" мѣръ охраны мира. И отсюда же необходимость присоединиться къ этому пакту, — цѣною жестокаго урона престижа Москвы,—присоединиться послѣ того, какъ домогательства совѣтской власти на участіе въ обсужденіяхъ текста пактовъ и ея „торжественныя предупрежденія" по адресу державъ—авторовъ пакта не произвели никакого впечатлѣнія.

Сейчасъ совѣтское правительство дѣлаетъ попытку использовать нѣкоторую затяжку въ ратификаціи пакта для новой демонстраціи въ томъ же духѣ, —демонстраціи того, какъ оно „старается" объ охранѣ Россіи отъ войны, и какъ оно наталкивается на препятствія со стороны злокозненнаго „капиталистическаго окруженія", которое точитъ ножъ противъ СССР. Проектъ Литвинова практически имѣетъ очень небольшое значеніе, — независимо отъ того, какъ къ нему отнесется польское правительство. Общая ратификація пакта несомнѣнно лишь вопросъ времени. Другой вопросъ о значеніи самаго этого пакта, въ какомъ бы порядкѣ онъ ни вступилъ въ силу между СССР и Польшей или другими лимитрофными государствами. Европейское общественное мнѣніе горячо привѣтствовало это по существу декларативное, ничѣмъ не санкціонированное осужденіе войны, — привѣтствовало его, какъ первый міровой актъ этого рода, возводящій охрану мира въ верховный принципъ международныхъ отношеній на всемъ земномъ шарѣ. Въ этомъ и заключается цѣнность пакта Келлога. Что-же касается взаимоотношеній въ самой Европѣ,—въ особенности отношеній между пограничными государствами,—то европейское международное право уже далеко ушло впередъ отъ подобныхъ декларацій, перейдя къ системѣ гарантированнаго мира,—въ ея общей и слабой формѣ устава Лиги Націй, и въ несравненно болѣе практически сильной формѣ районныхъ соглашеній, первый образецъ которыхъ данъ въ локарнскомъ пактѣ. Невозможность для совѣтской власти встать на этотъ путь подлиннаго договора о гарантіяхъ мира въ отношеніяхъ съ ея сосѣдями объясняется, какъ мы неоднократно указывали, неравноправнымъ положеніемъ, въ которомъ осуждена пребывать Россія, пока совѣтское правительство не сумѣетъ преодолѣть своей „натуры" и въ корнѣ пересмотрѣть свое отношеніе къ Лигѣ Націй (что разумѣется требовало-бы также и отказа отъ всей политики, „защиты русской и китайской революціи" путемъ устройства смутъ въ Европѣ). Пока этого нѣтъ,—совѣтская власть не можетъ принять дѣйствительныхъ дипломатическихъ мѣръ охраны безопасности Россіи и принуждена ограничиваться демонстративными актами, разсчитанными на неискушенность русскаго населенія въ области международной политики.

Хроника.

КРЕЩЕНСКОЕ ВОДОСВЯТІЕ ВЪ МИТРОПОЛИЧЬИХЪ ХРАМАХЪ. Въ пятницу, 4 сего янв., Крещенскіе часы, а въ субботу, 5 янв., Литургія Златоустова, послѣ нея Вечерня и Великое освященіе воды,—были совершены въ Пещерномъ во имя Страстей Христовыхъ храмѣ о. Іеромонахомъ Саввою.

Въ самый праздникъ Богоявленія, 6 января, Литургія Василія Великаго и Великое освященіе воды были совершены Блаженнѣйшимъ Митрополитомъ Діонисіемъ въ Маріе Магдалининскомъ храмѣ, въ сослуженіи о. о. Іеромонаха Саввы, священника Виктора Карвовскаго, Іеромонаха Филоеея и Іеромонаха Веніамина, при протодіаконѣ о. Владимірѣ Душукѣ, при діаконѣ о. Хрисаноѣ Сидорчукѣ и Іеродіаконѣ о. Аѳанасіи. Во время запричастна, по пропѣтіи концерта, слово, посвященное празднику, было произнесено о. Іеромонахомъ Саввою. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

ТОРЖЕСТВО ОСВЯЩЕНІЯ ВЪ КОВЕЛЬСКОМЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАМКѢ ПРАВОСЛАВНАГО АЛТАРЯ. 18 декабря 1928 года совершено было освященіе православнаго алтаря въ Ковельской тюрьмѣ. Чинъ освященія совершалъ Преосвященный Симонъ, епископъ Кременецкій. Въ богослуженіи принимало участіе духовенство Ковельскаго уѣзда, во главѣ съ уѣзднымъ протоіереемъ о. Михаиломъ Абрамовичемъ. При богослуженіи присутствовали представители государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Всѣ арестанты Ковельской тюрьмы православнаго вѣроисповѣданія

были за богослуженіемъ. Такъ какъ храмъ по своимъ размѣрамъ не могъ вмѣстить всѣхъ арестованныхъ сразу, то ихъ вводили по частямъ: одна партія арестантовъ, простоявъ извѣстное время, уводилась, а на ея мѣсто приходила другая. Богослуженіе закончилось произнесеніемъ многолѣтія Государственнымъ Властямъ, Владыкѣ-Митрополиту, Преосвященному Симону и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Послѣ Богослуженія Президентомъ города Ковля былъ устроенъ обѣдъ въ честь участниковъ освященія православнаго алтаря. Обѣдъ состоялся въ зданіи тюрьмы. Во время обѣда были произнесены тосты и посланы привѣтственныя телеграммы г. Президенту Республики и Владыкѣ-Митрополиту.

Нужно сказать, что православная тюремная каплица, сооруженная въ городѣ Ковлѣ, является пока единственной на всей территоріи Польской Республики. Надъ ея сооруженіемъ много потрудился скромный священнослужитель скромнаго Ковельскаго прихода, о. Протоіерей Ипатій Червинскій. При помощи Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Владыки-Митрополита Діонисія, сей служитель алтаря добился не только разрѣшенія отъ Властей Предержащихъ на сооруженія каплицы въ тюремномъ зданіи, но и того, что Министерство Юстиціи отпустило 2000 злотыхъ на ея оборудованіе.

АРХІЕРЕЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ КОВЕЛЬСКОМЪ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОМЪ ПРИХОДѢ. 19 декабря—праздникъ по старому стилю въ честь Святителя Николая Чудотворца. Этотъ день является престольнымъ праздникомъ Свято-Николаевскаго прихода въ г. Ковелѣ, въ которомъ настоятельствуетъ о. Протоіерей И. Червинскій. Преосвященный Симонъ, Епископъ Кременецкій, въ сослуженіи сонма духовенства, совершилъ всенощное бдѣніе и литургію въ этотъ праздникъ въ Ковельскомъ Николаевскомъ храмѣ. Молящихся было небывалое количество: присутствовало много поляковъ и были даже евреи. За всенощнымъ бдѣніемъ и во время литургіи произнесъ проповѣди Волынскій епархіальный миссіонеръ, I К. Перетрухинъ. Послѣ богослуженія церковный староста М. П. Жудро, совмѣстно съ прихожанами, пригласилъ на обѣдъ все духовенство во главѣ съ Владыкою Симономъ. По окончаніи обѣда отъ лица всего Ковельскаго православнаго населенія была послана привѣтственная телеграмма Его Блаженству, Блаженнѣйшему Владыкѣ Митрополиту Діонисію

ЗАУПОКОЙНОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ПО В. К. НИКОЛАѢ НИКОЛАЕВИЧѢ. 5 сего января въ Антибѣ, на югѣ Франціи, скончался Русскій Великій Князь Николай Николаевичъ. У ложа почившаго въ моментъ смерти находились: супруга почившаго Вел. кн. Анастасія Николаевна, Вел. кн. Марія Павловна, Вел. князь Петръ Николаевичъ съ супругой, Вел. князь Андрей Владиміровичъ, Князь Романъ Петровичъ, принцесса Баттенбергская, герцогъ Лейхтенбергскій и др. 7 января, по просьбѣ г. Сонина, за литургіей въ Митрополичьемъ Маріе-Магдалининскомъ храмѣ было совершено первое въ Варшавѣ поминовеніе новопреставленнаго В. Князя. Въ день погребенія, 9 января, въ томъ же храмѣ, по просьбѣ родственника по женѣ покойнаго Великаго Князя, графа Стефана Тышкевича, живущаго въ Варшавѣ, была отслужена соборне заупокойная литургія и панихида, при пѣніи Митрополичьяго хора. За болѣзнью о. Протопресвитера Терентія Теодоровича, предстоятельствовалъ при служеніи о. Іеромонахъ Савва; онъ же произнесъ предъ панихидою краткое слово, посвященное памяти почившаго. За богослуженіемъ присутствовали: графъ С. Тышкевичъ, графиня Тышкевичъ (мать), графъ А. Велепольскій, представители Сербскаго и Болгарскаго Посольства въ Варшавѣ, Директоръ „Русспресса“ г. Кельничъ, главный Редакторъ „Русспресса“ г. Войцеховскій, Предсѣдатель Русскаго Благотворительнаго Общества въ Варшавѣ г. Сонинъ, Предсѣдатель „Русскаго Дома“ въ Варшавѣ г. Племянниковъ, и множество богомольцевъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, изъ которыхъ многіе на „Вѣчная память“ прослезились.

Въ воскресенье, 13 января, по инииціативѣ группы русскихъ офицеровъ, участниковъ Великой войны и Добровольческаго движенія, была отслужена панихида по почившемъ В. Князѣ, б. Верховномъ Главнокомандующемъ, въ Варшавской церкви Св. Троицы на Подвальной улицѣ.

СОВѢЩАНІЕ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПОЛЬШѢ. По сообщенію газеты Epoka, отъ 8 января, 7 сего января въ Министерствѣ Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра г. Свитальскаго, состоялось междувѣдомственное совѣщаніе по вопросу объ урегулированіи правового положенія Православной Церкви въ Польшѣ.

Г. А.

МИССІОНЕРСКІЯ БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ ВИЛЕЙСКОМЪ УѢЗДѢ.

По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Өеодосія, Архіепископа Виленскаго и Лидскаго, Молодечненскимъ уѣзднымъ миссіонеромъ Священникомъ Марковской церкви о. Исидоромъ Насѣкайло въ мѣсяцѣ маѣ 1928 года посѣщены съ миссіонерской цѣлью три прихода Вилейскаго уѣзда, зараженныхъ штундобаптизмомъ: Ильскій, Лотыгольскій и Вязынскій.

Извѣстивъ заранѣе о. о. Настоятелей упомянутыхъ приходовъ о времени своего посѣщенія ихъ, о. Миссіонеръ съ настоятелемъ Носиловской церкви о. Георгіемъ Александровскимъ и псаломщикомъ своимъ Антоніемъ Семашкевичемъ прибылъ въ м ко Илію въ субботу, 26 мая, вечеромъ.

Въ воскресеніе, 27 мая, въ 8 ч. утра первый ударъ колокола возвѣстилъ насельникамъ Иліи, что скоро начнется Богослуженіе. Черезъ часъ церковь была полна молящимися, и о. Георгій началъ служить утреню. Литургію служили соборнѣ: о. Миссіонеръ, Настоятель церкви свящ. о. Сергій Голосовъ, о. Георгій Александровскій и діаконъ мѣстной церкви. Прочувствованное слово, на запричастномъ, о Православной вѣрѣ и Церкви и что внѣ Ея нѣтъ спасенія, съ воодушевленіемъ сказано о. Миссіонеромъ. Послѣдняя мысль была особенно подчеркнута проповѣдникомъ въ виду появленія въ приходѣ сектантовъ-пятидесятниковъ (4 человѣка совратилось) и въ виду имѣющейся въ м-кѣ запечатанной церкви, въ которую со дня на день ожидается прибытіе уніатскаго ксендза. По заамвонной молитвѣ и отпустѣ предъ Голгоѳой соборне колѣнопреклоненно отслуженъ былъ акаѳистъ Страстямъ Христовымъ, предваренный горячимъ словомъ о. Миссіонера о почитаніи Креста и значеніи его въ жизни христіанина. Отрадно было видѣть и слышать всѣхъ богомольцевъ, вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: „Іисусе Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ“!—Третье слово сказалъ о. Настоятель, умѣло сравнивъ трудъ Миссіонера, прибывшаго сюда за 60 верстъ лошадьми, съ подвигомъ апостольскимъ. Какъ Апостолъ Павелъ, прощаясь въ Милетѣ молился колѣнопреклоненно и просилъ духовенство и народъ твердо стоять въ вѣрѣ, такъ и о. Миссіонеръ, сказалъ проповѣдникъ, молится съ нами, чтобы Господь Богъ далъ намъ муже-

ство и силу устоять въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ. Акаѳистъ законченъ молитвою Іисусу Распятому и пѣніемъ архіерейскаго „Пріидите поклонимся", во время котораго священнослужители и молящіеся, земно кланяясь, лобызали Св. Крестъ. Богослуженіе окончилось въ 3 ч., а въ 4 ч., отдохнувъ и подкрѣпившись пищею, миссіонерскій кортежъ, согласно маршруту, направился въ Лотыгольскій приходъ Вилейскаго Благочиннаго Протоіерея о. Владимира Альбова.

Въ районѣ Лотыгольскаго прихода, въ дер. Чехи и Щуки, расположенныхъ на живописномъ берегу рѣки Рыбченки, лѣваго притска р. Виліи, секта штундобаптистовъ пятидесятниковъ свила себѣ довольно прочное гнѣздо,—здѣсь уже было нѣсколько случаевъ крещенія ими православныхъ, здѣсь, въ дер. Чехи, они постоянно собираются на молитву, оттуда же и началась ихъ „евангельская" проповѣдь. Было уже 6 ч. вечера, когда Миссіонеръ прибылъ въ дер. Щуки, расположенную въ полуверстѣ отъ дер. Чехи. Несмотря на это, болѣе 2000 человѣкъ съ самаго утра ожидало его пріѣзда Скоро прибылъ и о. Настоятель. Наскоро былъ накрытъ бѣлой скатертью большой деревенскій столъ на обширномъ крестьянскомъ гумнищѣ, повѣшены на стѣнѣ хлѣбнаго сарая двѣ иконы... Посланъ нарочный въ дер. Чехи сказать сектантамъ, что ихъ ждутъ для собесѣдованій. О. Миссіонеръ сказалъ слово на тему: „Возстанутъ лжехристы и лжепророки"..., послѣ котораго соборне отслуженъ акаѳистъ Страстямъ Христовымъ. Народъ, стоя на колѣняхъ, усердно молился, многіе громко повторяли за читавшими акаѳистъ: „съ предателемъ и распеншими Тя не осуди насъ... Іисусе Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши въ Царствіи Твоемъ" По скончаніи Богослуженія, о. Миссіонеръ открылъ пренія съ прибывшими пятидесятниками, установивъ предварительно строгій порядокъ таковыхъ, а именно, что говорить можетъ въ одно время только одинъ человѣкъ съ каждой стороны, и только по одному предмету. Сектанты, привыкшіе засыпать противника разными вопросами скопомъ, вынуждены были соблюдать установленный порядокъ. Въ преніяхъ больше всѣхъ принимала участіе какая-то б. учительница. Что же касается „пресвитера" ихъ, Недвѣцкаго, то послѣдній, какъ сообщили видѣвшіе его въ Чехахъ въ тотъ же самый день, скрылся и на пренія не пришелъ. Пренія коснулись вопросовъ о Церкви, іерархіи, почитанія Креста, храма Божія и др. По всѣмъ этимъ вопросамъ Миссіонеръ далъ должный отпоръ „искателямъ истины" и уяснилъ ихъ народу съ православной точки зрѣнія. О. Александровскій и псаломщикъ Семашкевичъ были незамѣнимыми помощниками Миссіонеру въ этихъ преніяхъ. Въ 9 ч. вечера пренія были прекращены Миссіонеромъ и всѣмъ присутствующимъ объявлено, что таковыя же пренія будутъ открыты на слѣдующій день, 28 мая, въ 10 ч. утра въ дер Колодчина и Мачицы Вязынскаго прихода,—куда были приглашены и присутствовавшіе сектанты. При дружномъ пѣніи „Съ нами Богъ..." слушатели съ облегченнымъ сердцемъ расходились по домамъ; скрылись во мракѣ наступившей ночи и посрамленные искатели „истины".

Переночевавъ у Настоятеля Лотыгольской Церкви протоіерея о. Владимира Альбова и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ за хлѣбъ соль, миссія утромъ 28 мая вмѣстѣ съ хозяевами прибыла въ м. Вязынь, а оттуда съ Настоятелемъ Вязынской Церкви Протоіереемъ о. Николаемъ Смирновымъ направилась въ дер. Колодчино, Вчерашніе сектанты не явились, несмотря на 8-ми верстное разстояніе. Зато пришли мѣстные пятидесятники, которыхъ крестилось за послѣднее время болѣе десяти. Одинъ изъ нихъ, послѣ неудачныхъ преній по нѣкоторымъ вопросамъ, силился доказать, что онъ получилъ даръ языковъ, но, не давъ объясненія сказанныхъ имъ словъ „Тара-паты", посрамленный, замолчалъ. Послѣ этого начался молебенъ ко Пресвятой Богородицѣ, который совершенъ былъ соборне: о. Миссіонеромъ, о. Благочиннымъ и о. Александровскимъ. Прочувствованное слово въ началѣ молебна было сказано о. Миссіонеромъ на тему: „Тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія...", а въ концѣ: „Просите и дастся вамъ..."

Молебенъ окончился всенароднымъ пѣніемъ: „Подъ Твою милость"... и соотвѣтствующимъ многолѣтіемъ. Народъ плакалъ отъ умиленія и далъ предъ Крестомъ и Евангеліемъ клятву не внимать лжеученію соблазнителей и твердо хранить свою вѣру. Растроганный о. Николай отъ души благодарилъ Миссіонера въ рѣчи обращенной къ народу, призывая и его выразить чувство глубокой признательности. При пѣніи: „Съ нами Богъ..." толпа не менѣе 1600 душъ стала покидать мѣсто молитвы и расходиться по домамъ.

Оставался еще одинъ и послѣдній пунктъ, гдѣ, по заявленію о. Настоятеля, необходимо было открыть собесѣдованія,—это дер. Мачицы. Туда, послѣ трапезы, предложенной неутомимой супругой о. Николая, побывавшей почти на всѣхъ собраніяхъ, о. Миссіонеръ и отправился со своими спутниками и причтомъ Вязынской церкви.—Въ Мачицахъ имѣется кладбищенская довольно вмѣстительная деревянная церковь, расположенная въ сосновомъ лѣсу. въ 10 вер. отъ м. Вязыни по направленію къ уѣздному гор Вилейкѣ.

Подъѣзжая къ церкви, встрѣтили нѣсколькихъ старушекъ На вопросъ: куда идете и гдѣ были, послѣднія отвѣчали: „Огранку сядѣли, чакали мисинера, натта шматъ было народу, але не дачакалися, разышлися, были и евангелистыя". По распоряженію о Настоятеля дано было знать въ ближайшія къ церкви деревни о пріѣздѣ Миссіонера, и чрезъ часъ храмъ наполнился молящимися. Было 7 ч. вечера. О Миссіонеръ сказалъ слово о почитаніи св храма. которое съ замираніемъ сердца было выслушано тысячной толпой собравшихся. Послѣ чего начался акаѳистъ Страстямъ Христовымъ, который совершенъ былъ соборне. Всѣ молились, стоя на колѣняхъ. Умиленно-молитвенное ясное и отчетливое произношеніе Миссіонеромъ трогательныхъ словъ акаѳиста навѣвало покаянную скорбь на душу молящихся, и они отъ умиленія плакали, забывъ, кажется, все внѣ этого храма существующее.

По окончаніи акаѳиста Миссіонеръ вновь говоритъ слово на тему: „Іисусе Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ". Въ немъ онъ говоритъ молящимся объ ихъ грѣховности, ибо за грѣхи Господь караетъ ихъ, посылая злыхъ людей, сѣющихъ смуту въ Церкви, и призываетъ къ усиленной молитвѣ о прощеніи грѣховъ и къ покаянію, и убѣждаетъ молящихся въ томъ, что милосердый Господь кающимся проститъ грѣхи и помилуетъ ихъ, какъ помиловалъ Онъ благоразумнаго разбойника.

Проповѣдь сопровождается всеобщимъ плачемъ, который переходитъ у нѣкоторыхъ женщинъ въ рыданіе. Плачетъ и все духовенство. Растроганный о Настоятель слезно благодарилъ Миссіонера за понесенные имъ труды и отъ имени всего своего прихода пожелалъ ему силъ и здоровья на тернистомъ миссіонерскомъ пути. Молящіеся долго еще прикладывались къ Распятію и земно кланялись.

Было уже темно. Накрапывалъ дождикъ, а народъ все еще не расходился, ожидая отъѣзда Миссіонера.

Наконецъ, простившись со всѣми, миссія тронулась въ обратный путь, напутствуемая добрыми пожеланіями далеко провожавшаго ее народа.

болѣе и болѣе начинаетъ профанироваться. Давно перестало оно быть днемъ Господнимъ и сдѣлалось исключительно днемъ отдыха, вѣрнѣе — развлеченія, причемъ отъ него совершенно отнятъ характеръ религіознаго празднества. Особенно со времени распространенія спортивныхъ упражненій и представленій воскресенье утратило почти совершенно церковный характеръ. Голландское евангелическое духовенство весьма рѣзко выступило противъ грубаго профанированія воскресенья въ спортивныхъ состязаніяхъ последней Олимпіады. Королева Вильгельмина именно поэтому отказалась участвовать въ открытіи Олимпіады въ Амстердамѣ и уѣхала на все время состязаній. Отъ имени королевы при открытіи IX Олимпіады предсѣдательствовалъ ея супругъ. Голландское духовенство, защищающее празднованіе воскресенья, не является, конечно, врагомъ спорта, такъ какъ одинъ изъ лучшихъ представителей этого духовенства пасторъ Т. де Виссеръ, докторъ богословія и б. министръ искусствъ и народнаго просвѣщенія, оффиціально участвовалъ въ открытіи Олимпіады и произнесъ рѣчь о моральной цѣнности спорта.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКІЙ БРАКЪ — ЭТО ВСЕГДА КОНКУБИНАТЪ.

Въ вѣнской католической газетѣ „Wiener Kirchenblatt“ (отъ 28 апрѣля 1928 г.) имѣется такой отвѣтъ редакціи: „Что для васъ, какъ для „доброй христіанки“ лучше,—переходъ въ протестантизмъ или въ старокатоличество? Дорогое дитя! Такой вопросъ поражаетъ. Если бы ваше письмо было распубликовано среди мексиканцевъ, которые за вѣру отдаютъ жизнь и имущество, то тамъ качали бы головой и не позволили бы вамъ называть себя „доброй христіанкой“. На первомъ мѣстѣ вы ставите мужа, а потомъ только вѣру. Бракъ по исключительному разрѣшенію или бракъ заключенный предъ духовнымъ некатолическимъ, есть конкубинатъ и будетъ таковымъ всегда“. Такой отвѣтъ былъ данъ какой-то наивной Линѣ, которая думала, что получитъ приличный, по человѣчески средактированный отвѣтъ. Припоминаются слова изъ сатиры чешскаго поэта Гавличка: „Не смѣшивай Церкви съ Церковью, о свѣтлѣйшій царь! Римская Церковь есть наицерковнѣйшая изъ Церквей!“ Тутъ не разсуждаютъ: съ одной стороны приказъ, съ другой—слѣпое повиновеніе. А при случаѣ оскорбленіе ближнихъ, которые потому не отвѣчаютъ взаимностью, что они другого—именно другого!—духа.

СВѢТЪ СЪ ВОСТОКА

5—9 іюня 1928 года состоялся въ Токіо, въ Японіи, Конгрессъ 3-хъ японскихъ исповѣданій: шинтоизма, буддизма и христіанства. Конгрессъ этотъ былъ созванъ японскимъ правительствомъ для обсужденія вопроса религіознаго воспитанія, проблемъ общественныхъ, международнаго мира и вообще духовнаго развитія народа. Конгрессъ открылся рѣчью премьеръ-министра. Послѣ него говорили министры: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Представители всѣхъ трехъ исповѣданій совѣщались вмѣстѣ въ примѣрномъ согласіи. Японское учительство и правительственныя сферы считаютъ, что практиковавшееся до сихъ поръ внѣцерковное моральное воспитаніе не приносило ожидаемыхъ плодовъ, хотя оно имѣетъ еще сторонниковъ среди радикальныхъ учительскихъ сферъ. Министръ народнаго просвѣщенія высказался въ такомъ смыслѣ уже въ 1927 году на Христіанско-Народномъ Японскомъ Конгрессѣ: „Воспитаніе является дѣломъ весьма важнымъ для развитія данной страны, но недостаточно воспитать, надобно воспитанникамъ дать религію. Мы умѣемъ быть благодарными за дѣло, которое выполнили миссіонеры и японскіе христіа[illegible] проникнутой сознa[illegible]ся, есть Богъ. Вѣра это[illegible]ть“. Полуоффиціальн[illegible]воспитателей лучшихъ японс[illegible] году добивалась, чтобы морал[illegible]ралось на религіозномъ основаніи, [illegible]ля въ Бога была надлежаще обосно[illegible] году большая Конференція учитель[illegible]онскихъ народныхъ школъ высказалась въ резолюціи, что „совершенное воспитаніе можетъ быть достигнуто единственно при посредствѣ религіозной вѣры“. Опытъ японскихъ воспитателей и учителей не является чѣмъ то исключительнымъ. Въ Европѣ и Америкѣ продѣланы такіе же опыты на нивѣ воспитанія.

РЕЛИГІЯ ВЪ ШКОЛѢ.

На Конгрессѣ Евангелическихъ Церквей въ Чехословакіи, который состоялся недавно въ Братиславѣ, делегаты чешскихъ, словацкихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ евангеликовъ, въ количествѣ 2000, выразили единодушное пожеланіе, чтобы въ народныхъ школахъ была преподаваема религія. При этомъ было сказано, что Церковь не думаетъ и не желаетъ думать о господствѣ надъ школой, но она, какъ и семья, имѣетъ право и обязанность оказывать извѣстное вліяніе на молодежь. Исходя изъ этого положенія, Конгрессъ стремится къ тому, чтобы изученіе Закона Божія было объявлено обязательнымъ для всѣхъ дѣтей евангеликовъ, посѣщающихъ народныя школы — высшія и среднія.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА ВЪ ЕГИПТѢ.

Египетская Коптская Церковь, одна изъ самыхъ консервативныхъ Восточныхъ Церквей, открыла свои двери для воскресныхъ школъ. Она поняла ихъ великое воспитательное значеніе и, опираясь на Міровой Союзъ Воскресныхъ Школъ, усердно поддерживаетъ ихъ у себя. Отсюда слѣдуетъ, что воспитатели во всемъ мірѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, одинаковаго мнѣнія о значеніи религіи въ дѣлѣ индивидуальнаго и общественнаго воспитанія.

ПАПА И ЛИГА НАРОДОВЪ.

„Neue Zürcher Nachrichten“ помѣщаетъ письма своего римскаго корреспондента, согласно которымъ Папа уже нѣсколько разъ выразилъ желаніе сотрудничать съ Лигой Народовъ. Въ качествѣ аргумента въ пользу необходимости таковаго сотрудничества приводится необходимость борьбы съ націонализмомъ. Изъ другихъ аргументовъ въ пользу принятія Папы въ Лигу приводится, также, необходимость оживленія кровообращенія въ Лигѣ при помощи такихъ факторовъ, которые независимы отъ всемогущихъ союзниковъ. Въ Лигѣ представлены только государства; возникаетъ поэтому вопросъ, согласились ли бы итальянцы на принятіе Папы. Если бы въ Лигу былъ принятъ факторъ безгосударственный, то это явилось бы прецедентомъ, предрѣшающимъ въ будущемъ возможное расширеніе границъ Лиги. Но самое главное заключается въ томъ, что Папа никогда и нигдѣ не желалъ сотрудничать и работать какъ равный съ равнымъ, но всегда подчеркивалъ свое главенство. Лига Народовъ, благодаря могучему вліянію евангелическихъ факторовъ, до сихъ поръ весьма корректна и нейтральна въ вопросахъ вѣроисповѣдныхъ: папская же дипломатія, несомнѣнно, внесла бы туда елементъ преимущества одного исповѣданія предъ другими, и Лига Народовъ могла бы превратиться въ собраніе перессорившихся исповѣданій.

ДОННА [illegible] ДИНЪ.

Католическ[illegible] ... нъ пыталась опровергнуть сообщ[illegible] ... спанiи молодая евангеличка Кар[illegible] ... осуждена на два года тюремнаго закл[illegible] ... езетъ штрафа за то, что выразилась, ч[illegible] ... ристосъ имѣлъ братьевъ и состеръ. Теперь мы узнаемъ, что послѣ цѣлаго ряда тщетныхъ усилiй со стороны извѣстнѣйшихъ представителей евангелическаго мiра смягчить судьбу жертвы варварскаго испанскаго фанатизма, это удалось сдѣлать Президенту Французской Республики. Когда, по случаю открытiя тунеля Сомпортъ, онъ имѣлъ встрѣтиться съ испанскимъ королемъ, евангелики обратились къ нему съ просьбой о заступничествѣ за донну Падинъ. Президентъ Думергъ, самъ евангеликъ, происходящiй изъ старой гугенотской семьи, обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ въ его силахъ, и въ результатѣ Карменъ Падинъ оставляетъ тюрьму съ тѣмъ, чтобы оставшуюся часть наказанiя отбыть въ изгнанiи.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1) **Путь.** Органъ русской религiозной мысли. Изданiе Религiозно - Философской Академiи. Парижъ. №№ 9, 10, 11, 12 за 1928 годъ.

2) **Jednota.** Organ Polskiego Kościoła Ewangelicko - reformowanego. Rok III. Warszawa. №№ 1—12. 1928.

3) **Czyn Młodzieży.** Wydawnictwo Warszawskiej komisji oddziałowej kól młodzieży Polskiego Czerwonego Krzyża. Warszawa. №№ 4, 5, 6. 1928. Rok IV.

4) **Сільський Світ.** Ілюстрований Господарський Часопис. Львів. №№ 1—24. 1928. Рік V.

5) **Український Інвалід.** Неперіодичний орган українських інвалідів на еміграції. Калиш. №№ 5-10. 1928. Рік IV.

6) **Беларуская Зарніца.** Царкоўна-Народны двутыднёвік. Орган Праваслаўных Беларусоў. Вільня. №№ 1, 2, 3, 4. 1928 г. Год выданьня 1.

7) **Аѳонъ.** Борисъ Зайцевъ. У. М. К. А. Press. Paris. 1928 г. Стр. 1—126.

Эта прекрасная книга производитъ громадное впечатлѣнiе. Изъ всѣхъ до нынѣ вышедшихъ описанiй Св. Горы она самая удачная. Въ полномъ смыслѣ описанiемъ нельзя назвать эту книгу, это скорѣе впечатлѣнiя. Къ сожалѣнiю, авторъ этой интересной книги не посѣтилъ Ильинскаго Русскаго Скита, одной изъ лучшихъ и гостепрiимныхъ обителей Аѳона, а также Хилендарскаго Сербскаго и Зографскаго Болгарскаго Монастырей.

Авторъ этой замѣтки дважды былъ паломникомъ на Аѳонѣ. Читая книгу г. Зайцева, снова переносишься на Св. Гору, колыбель православнаго монашества. Какъ живые, представлены облики Архимандрита Мисаила, Настоятеля Пантелеймоновскаго монастыря, Архимандрита Кирика, Духовника обители, и другихъ иноковъ. Такъ и хочется, читая эту книгу, снова перенестись въ далекiя земли и поклониться земному удѣлу Пресвятой Дѣвы Марiи. **I. С.**

№ 2 сданъ на почту 10 января въ 10 часовъ вечера.

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow. Редакторъ-Издатель П. Земцовъ.

Drukarnia Synodalna. Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.